

ЗОЛОТОЙ ВЕК
ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Питер ДАВСИ

РАБОТА
НАД
ОШИБКАМИ

Питер Даймонд

Питер Лавси

Работа над ошибками

«АСТ»

1995

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Лавси П.

Работа над ошибками / П. Лавси — «АСТ», 1995 — (Питер Даймонд)

ISBN 978-5-17-098003-1

Самое необычное дело суперинтенданта Питера Даймонда. Полиция Бата поднята по тревоге – из тюрьмы сбежал Джон Маунтджой, приговоренный к пожизненному заключению за убийство шведской журналистки. Более того, он ухитрился вернуться в Бат и взять в заложницы дочь местного крупного полицейского чиновника. Единственное требование Маунтджоя – повторное расследование его дела. Он утверждает, что убийства не совершал.... Неужели Даймонд, который вел дело, совершил ошибку? Неужели из-за него пострадал невинный? Шаг за шагом детектив пытается понять, что же упустил много лет назад...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-098003-1

© Лавси П., 1995

© АСТ, 1995

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	33
Глава 5	39
Глава 6	49
Глава 7	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Питер Лавси

Работа над ошибками

Peter Lovesey
THE SUMMONS

© Peter Lovesey, 1995

© Перевод. А. Загорский, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Глава 1

Говорят, когда одна дверь закрывается, где-то открывается другая. В тюрьме Олбани наоборот: если одна дверь открывается, то другая захлопывается. И это – серьезная проблема. Когда осужденному сообщают, что он проведет в камере всю оставшуюся жизнь, и к тому же раз за разом отказывают в праве на апелляцию, он начинает всерьез размышлять о том, как сократить свой срок каким-то иным способом. Джон Маунтджой был отнесен к преступникам категории А, то есть особо опасным для общества, полиции и государства. И он всерьез обдумывал возможности побега.

В тюрьмах двери действуют по одному и тому же давно известному принципу. Ты проходишь через одну и обнаруживаешь, что тебе преграждает путь другая. Прежде чем она откроется, предыдущая обязательно должна затвориться. Так же функционировали двойные ворота замков тысячу лет назад. Разница лишь в том, что в эру электроники это происходит автоматически.

Надзиратели объясняют новым заключенным, что с точки зрения возможностей для побега тюрьма Олбани не просто пенитенциарное заведение максимального уровня безопасности. Ее уровень безопасности, поясняют охранники, сверхпределный. Все ворота и двери управляются с помощью компьютера, а помещения снабжены камерами наблюдения. Стоит кому-либо подойти к любой двери – и это сразу же видно на одном из экранов, находящихся в дежурной комнате. Она – пункт управления, можно сказать, центр всего тюремного комплекса. Помимо компьютера и мониторов в ней находятся система радиосвязи, электрогенератор и, разумеется, группа надзирателей, несущих службу посменно. Неиссякаемой темой для шуток заключенных является факт, что меры безопасности, которыми окружают себя обитатели дежурной комнаты, превосходят все мыслимые пределы. Стальные двери, дополнительный заслон из металлической сетки, прожекторы, бегающие по прилегающей зоне сторожевые собаки – в общем, любая попытка несанкционированного проникновения в дежурную комнату должна была спровоцировать сцены в духе последних кинолент из саги о Джеймсе Бонде.

Маунтджой содержался в блоке D, где сидели остальные заключенные, получившие пожизненный срок. Когда их конвоировали из камер в мастерские, узники проходили через систему управляемых компьютером двойных дверей, действующих по принципу шлюза, после чего попадали в центральный коридор. Там они оказывались под надзором выстроившихся цепью охранников, внимательно следивших за каждым их движением.

Двери, ведущие в блок D, стеклянные. По этому поводу можно смеяться сколько угодно, но у заключенных данный факт улыбки не вызывал. Стекло сверхпрочное, пуленепробиваемое, да еще и забрано стальной сеткой, напоминающей кольчугу. Открыть двери блока D можно только одним способом – прикосновением к соответствующему тумблеру в дежурной комнате. Они также шлюзовые. Интервал между закрытием одного их уровня и открытием другого составляет семь секунд. В течение этих долгих семи секунд тот, кто хочет войти в блок D или выйти из него, находится в герметично закрытом пространстве, под пристальными взглядами надзирателей. Если что-нибудь кажется им подозрительным, пребывание в шлюзовой зоне может быть продлено на любое время.

Джону Маунтджою потребовалась неделя наблюдений за работой дверей и процедурой входа и выхода людей из блока D, чтобы прийти к выводу: перехитрить электронную систему нельзя. Обмануть можно человека, но не микрочип. Помимо прочего, программу настроили таким образом, что в случае отключения электроснабжения двери блокировались.

Однако иных вариантов побега, кроме проникновения сквозь двери блока D, похоже, не существовало. Окна были снабжены стальными решетками, все стены здания имели не менее полуметра в толщину. Подкоп тоже исключался: в соответствии с негласным правилом тех, кто

отбывал пожизненный срок, держали в камерах, под которыми, над ними и по обеим сторонам от них находились помещения с другими заключенными. Камеры наблюдения были установлены практически везде. Если бы даже Маунтджой удалось пробраться за пределы главного здания тюрьмы, ему еще пришлось бы преодолевать внешний охранный контур. А там – рыскающие по всей территории сторожевые псы, пятиметровой высоты ограждения из металлической сетки, прожекторы и массивная, высоченная внешняя стена с бритвенно острым верхним краем. Тюрьму Олбани выстроили взамен Дартмурской. Ее называют британским Алькатрасом, потому что она расположена на острове Уайт. Поэтому, даже перебравшись через внешнюю стену, заключенный, решившийся на побег, не мог бы почувствовать себя на свободе – ему пришлось бы преодолевать еще и водную преграду.

Первый шаг к побегу, который совершил Маунтджой, не был запланированным. В коридоре, рядом с люком, куда заключенные выбрасывали мусор, он нашел форменную серебряную пуговицу с гербом в виде короны – ее потерял кто-то из охранников. Находясь в тюрьме, человек никогда не знает заранее, каким образом ему пригодится та или иная вещь. Маунтджой сохранил пуговицу и прятал ее в своей камере восемнадцать месяцев. Вскоре у него появилась еще одна.

Джону удалось раздобыть ее, когда летом тюремщики, заломив ему руки за спину, стали запикивать его в карцер. Это была особая камера, туда в качестве наказания на время помещали наиболее буйных заключенных или злостных нарушителей внутреннего распорядка. Маунтджой затеял драку с охранниками после того, как один из них отобрал у него письмо, полученное от матери. Разумеется, Джону это не понравилось. Он сцепился с охраной и в результате был избит в кровь, раздет догола и брошен в карцер. Однако после драки ему все же достался трофей – еще одна сияющая серебряная пуговица с гербом, оторванная с кителя из темно-синего сержа у кого-то из его мучителей. Когда Джон наконец вернулся в свою камеру, пуговица присоединилась в своей сестре-близняшке, спрятанной в тайнике под корешком словаря.

Тюремщики терпеть не могут, когда их изображают тупыми лентяями, по небрежности нарушающими установленные правила. Им хорошо известно, что малейший их промах, о котором становится известно проверяющим или, не дай бог, прессе, моментально раздувается. А подобного они боятся не менее, чем тех, кого охраняют. Принято считать, будто надзиратели доносят друг на друга чаще, чем заключенные. Тюремщик, потерявший пуговицу, скорее предпочтет промолчать об этом и попросить жену пришить ему новую, чем устраивать обыск в камерах. Тюремные обычаи и традиции не всегда работают на пользу системе.

Именно с пуговиц начался путь Маунтджоя на свободу. Он стал собирать коллекцию из металлических серебряных кружочков с вытисненной на них короной. Месяца через два, работая в портняжной мастерской, познакомился с новым заключенным, восемнадцатилетним парнем, переведенным в Олбани из Паркгерста. Молодому человеку очень хотелось курить. Маунтджой заключил с ним сделку. В тюрьме все может быть предметом обмена. Джон намекнул парню, что за пуговицу с нагрудного кармана формы охранника он может получить немного табаку. Также объяснил, что, если молодой человек затеет драку с охранниками, на первый раз они не станут избивать его всерьез. Через месяц Джон получил нужную ему пуговицу, а его новый знакомый – пять самокруток и одну спичку. При этом Маунтджой пригрозил молодому человеку, что, если он расскажет о совершенной сделке охранникам или тюремному начальству, его кастрируют.

После того как все это случилось, прошло довольно много времени. И вот однажды летом Маунтджой выпал еще один шанс. После очередной стычки с охранниками его снова наказали – перевели в изолятор, который называли также блок «Игрек». Там заключенным во время прогулок не позволяли делать зарядку и вообще какие-либо физические упражнения – или же если и позволяли, то исключительно в полном одиночестве и под пристальным наблюдением

охраны. Часть внутреннего дворика в блоке была разделена на отдельные небольшие секции при помощи перегородок из сверхпрочного прозрачного пластика. Охранник, наблюдавший за Маунтджоем, едва успел расположиться на пластмассовом стуле, повесив фирменный китель на его спинку, как вдруг его внимание привлек какой-то непорядок неподалеку. На несколько секунд Джон остался без надзора тюремщика и, пока за ним следила только камера, успел добыть недостающие пуговицы для необходимого ему полного комплекта. За три года пребывания в тюрьме Олбани он успел научиться избегать объективов видеокамер.

Среди заключенных были весьма популярны рассказы об удачных побегах, ставших легендарными. Отбывающие срок, в частности, до сих пор с благоговением передают из уст в уста историю о том, как в 1966 году осужденный за шпионаж Джордж Блейк умудрился сбежать из лондонской тюрьмы Уормвуд-скрабз. Не меньший восторг вызывает у обитателей тюрем случай, когда в 1987 году двое узников тюрьмы в Гартри захватили вертолет и, забравшись на борт, скрылись. Побег Джона Маквикара из Дэрхэма даже лег в основу сюжета кинофильма. Джон Маунтджой также собирался завоевать себе место в этом своеобразном зале славы. Но не надеялся на слепой случай, на невероятное везение, которое так или иначе присутствовало во всех историях об удачных побегах. Ничего подобного у него и в мыслях не было. В своих планах Джон опирался на трезвый расчет, словно игрок в покер в партии, которая могла продолжаться всю его жизнь.

Что бы сделали вы, если бы у вас имелся полный комплект пуговиц от кителя охранника? Маунтджой с самого начала отверг самый очевидный вариант. Он не стал предпринимать попыток сшить себе форму тюремщика и, облачившись в нее, каким-то образом выбраться на волю. Это было связано со слишком большим риском. Интеллектом охранники, конечно, не блистали, но были вполне способны различать друг друга и, помимо прочего, наверняка заметили бы неизбежные дефекты и несоответствия в форме, изготовленной кустарным способом.

Джон увлекся искусством. Это давало ему возможность пользоваться карандашами и бумагой, рисуя абстрактные картины. В большинстве своем на них были изображены различные геометрические фигуры, которые Маунтджой аккуратно заштриховывал. Выглядело все это заурядно. Тем не менее его куратор однажды заметил, что по стилю Джон больше тяготеет к Мондриану, нежели к Пикассо. В его рисунках преобладали квадраты – белые и черные, одинакового, не слишком большого размера. Куратор даже предположил, что его подопечный скорее пытается изобразить миниатюрную шахматную доску, нежели создать абстрактную картину. Эти слова стали для него и Маунтджоя чем-то вроде дежурной шутки.

Впрочем, Маунтджой использовал не только карандаш и бумагу, но и другие материалы, применяемые в искусстве. Втайне от тюремщиков экспериментировал с красками для живописи. При этом его целью являлось создание радикально черного красителя для тканей. Это было весьма непростое дело. Раз за разом белая ткань получалась у него не черной, а серой – правда, с каждой попыткой все более темного оттенка. Но Джон был терпелив. В конце концов, он располагал практически неограниченным временем, да и белой ткани у него имелось более чем достаточно: в металлических ячейках забора, возвышающегося вокруг внутреннего двора тюрьмы, частенько застревали тряпки, которые заключенные при уборке выбрасывали из камер. На следующий день их собирали, однако одну-две всегда можно было незаметно сунуть под тюремную одежду, чтобы затем припрятать в камере. Вскоре Джону удалось добиться нужного цвета. Только после этого он решился на окраску двух футболок, какие шили здесь же, в тюремном цеху. Затем, используя иглы из швейной мастерской и отточенную до бритвенной остроты ручку зубной щетки, Джон втайне от всех принялся кроить и шить вещь, которая должна была стать имитацией кителя. Но не тюремного охранника, а полицейского констебля.

Джон справедливо рассудил, что у черного цвета есть по меньшей мере два преимущества. Во-первых, превратить с помощью красок для живописи белую ткань в черную намного легче, чем в темно-синюю, тем более того же оттенка, что и форма охранников. А во-вторых,

на черном фоне швы менее заметны, чем на синем. Этот эффект еще больше усиливался благодаря блестящим пуговицам, притягивавшим к себе взгляд.

Странно, но изготовить кустарным способом полицейскую фуражку, согласно расчетам Маунтджоя, было значительно легче, чем китель, но ее гораздо труднее было бы спрятать в камере. И Джон решил заняться фуражкой в последнюю очередь, заранее подготовив все необходимые для нее материалы. Полоски раскрашенной шахматным узором бумаги должны были превратиться в околыш, выкрашенная в черный цвет ткань, натянутая на диск из плотного картона, в тулью. Козырек Джон собирался вырезать из блестящей черной крышки коробки из-под писчей бумаги, которую ему удалось выудить из мусорной корзины помощника начальника тюрьмы.

Оставалось решить вопрос с кокардой и погонами. В качестве материала для их изготовления Маунтджой использовал фольгу, предназначенную для хранения продуктов в холодильнике. Ему удалось украсть несколько кусков из мусоросборника в кухне. Кокарда вышла на славу – стала настоящим шедевром. Это была копия кокарды полицейских подразделений графства Гэмпшир, вырезанная из фольги и наклеенная на каркас из почтовой бумаги.

По сравнению со всем этим раздобыть подходящую рубашку и галстук оказалось проще простого.

Разумеется, все, что Джон подготовил для побега, следовало надежно спрятать. Обыски в камерах обычно происходили во время вечерней проверки. Маунтджой предпочитал по возможности держать все, что могло вызвать подозрения, при себе, надетым под тюремную одежду. Впрочем, заключенным все же разрешалось иметь кое-какие предметы домашнего обихода. Например, охранники не докладывали начальству, если обнаруживали у кого-нибудь из обитателей тюрьмы несколько кусков ткани или иголку с ниткой – они искали главным образом наркотики.

Закончив необходимые приготовления, Маунтджой не торопился с реализацией своего замысла. Понимал, что должен проявить терпение. Момент для побега должны были определить внешние факторы. В течение восьми месяцев ожидания не произошло ничего такого, что подтолкнуло бы его к действию. Всего же Джон к этому моменту провел в тюрьме Олбани уже три года и восемь месяцев. А затем в блоке D появился новый заключенный, Мэнни Стоукси. Срок он получил за убийство. В этом не было ничего необычного. Однако в истории Стоукси все же имелось нечто, что не могло не произвести впечатления на других обитателей камер и на охрану. Мэнни отправил человека на тот свет, перебив ему позвоночник ребром ладони. Будучи бодибилдером, Стоукси имел весьма внушительную внешность. Рост метр девяносто сантиметров, а вес – более ста килограммов. И к тому же он обладал злобным нравом.

Через месяц после появления Стоукси в тюрьме Маунтджой решил, что его время пришло. Ему и раньше доводилось видеть среди заключенных крупных и опасных мужчин. Он неоднократно становился свидетелем стычек с охранниками, которые, разумеется, делали все, чтобы сломить их дух, и при этом не стеснялись в средствах. Было ясно, что Стоукси не сдастся без борьбы, и дело закончится кровью, если не смертью. Между тем для реализации плана Джону было просто необходимо, чтобы в блоке D возникли суета и беспорядок. Шансы на то, что это вот-вот произойдет, росли с каждым днем. Маунтджой закончил шить черные брюки и собрал из заранее подготовленных элементов полицейскую фуражку. Тем самым он в каком-то смысле сжег за собой мосты: теперь обыск в камере и обнаружение там сшитой вручную полицейской формы, да еще с фуражкой, сделали бы его намерение очевидным.

Однако Джон верил в свой успех. С появлением нового заключенного атмосфера в блоке D стала гораздо более напряженной. В тюрьме не существует дружбы – отношения там строятся исключительно на страхе. Некоторые из старожилов решили, будто Стоукси слишком опасен, чтобы с ним конфликтовать, и дали остальным понять, что поддерживают его. Другие принялись интриговать, пытаясь выгадать для себя какие-то преимущества. В результате в уже сло-

жившейся в стане заключенных внутренней иерархии возникли опасные трещины, и все ее здание зашаталось, угрожая рассыпаться.

Маунтджой был одиночкой и всегда противился попыткам втянуть его в одну из существовавших в тюрьме группировок заключенных. Старался ни с кем не конфликтовать, выполнять свои обязанности и правила внутреннего распорядка и по возможности не привлекать к себе ничего внимания – разумеется, за исключением экстремальных ситуаций.

За несколько дней в тюрьме вспыхнули несколько небольших конфликтов между заключенными. Затем, как и следовало ожидать, полыхнуло уже всерьез. Три раза в день туалеты в тюрьме Олбани работали с повышенной нагрузкой. В последний раз это происходило в половине девятого вечера, незадолго до отбоя. Маунтджой так и не узнал, из-за чего все началось, потому что уже успел побывать в туалетной комнате, умыться и вернуться в свою камеру. Однако, судя по крикам, Стоукси ударил заключенного по фамилии Харраген. Произошло это в помещении санузла, среди унитазов, раковин и урн. В физическом отношении Харраген, уроженец Карибских островов, заметно уступал Стоукси. Тем не менее был весьма крепким мужчиной с неуступчивым характером, к тому же бывшим боксером, и имел репутацию человека, склонного к физическому насилию. Кроме того, неподалеку оказались двое его приятелей, поспешивших ему на помощь. Одного из них Стоукси ударил головой о раковину с такой силой, что расколол бедолаге череп. Даже находясь в камере, Маунтджой своими ушами слышал отвратительный хруст. Затем раздался яростный выкрик Харрагена: «Ты его замочил, ублюдок!»

Маунтджой шагнул в проход, чтобы видеть происходящее в санблоке. Кто-то пинком опрокинул урну, затем еще одну, и они с грохотом покатались по полу. Двоих охранников, которые должны были разнять дерущихся, заблокировали у дверей приятели Харрагена. С десяток заключенных выскочили из камер – они не хотели, чтобы их потом обвинили в нежелании прийти на помощь членам своей группировки.

Пора, сказал себе Маунтджой. Его время пришло.

Взревела сирена, и ее звук заглушил все остальные. К месту свалки продолжали прибывать все новые заключенные, но им мешали вступить в драку катающиеся по полу у дверей санблока урны. Их было уже с десятков, и они почти полностью загромождали вход. Непосредственные участники схватки, судя по всему, не хотели, чтобы им мешали. Маунтджой знал, что большинство узников предпочтет объединить силы и не допустить к месту битвы охранников. А значит, происшествие грозило перерасти в настоящий бунт – что Джону и требовалось.

Времени у Маунтджоя было немного. Вот-вот должна была появиться толпа разъяренных надзирателей. Сначала они набросятся на тех, кто столпился у входа в санблок. В таких случаях при необходимости тюремное начальство вызывало подкрепление из Паркгерста – тюрьмы, расположенной неподалеку.

Джон вернулся в камеру, достал из нескольких тайников предметы изготовленной им полицейской формы и сложил их в таз для умывания, который выдавался каждому заключенному. Затем переступил порог и закрыл за собой дверь. Теперь обратного пути у него не было. Но не успел он сделать и нескольких шагов по проходу, как его увидел находившийся в этот момент неподалеку охранник – он явно спешил в санблок.

– Эй, ты куда это собрался? – возмущенно крикнул он, обращаясь к Джону.

– Обратно в камеру, – невозмутимо ответил Маунтджой, мысленно благодаря бога за то, что надзиратель был не из блока D и не знал его заключенных в лицо.

– Так вали внутрь, и побыстрее! – рявкнул охранник и побежал дальше.

– Да, сэр.

Разумеется, Маунтджой и не подумал выполнить приказ. Он зашагал дальше по проходу, удаляясь от помещения санитарного блока, где продолжались беспорядки, и в конце концов оказался в той части этажа, где могли находиться только тюремщики – тем более во время

попытки бунта. Оглянувшись через плечо, чтобы убедиться, что на него никто не смотрит, Джон вошел в раздевалку охранников. Внутри находился стол, на нем стояли две кружки с кофе. Он увидел также ряд запирающихся металлических шкафчиков и стулья, на одном из них лежал развернутый журнал для мужчин. На стене висела пробковая доска для объявлений с приколотыми к ней бумажками. В углу – переносной телевизор. Он был включен – на экране в очередной раз разоблачал козни злоумышленников инспектор Морс.

Да, это будет нелегко, подумал Джон. Задача казалась невероятно сложной. Он не мог выйти из раздевалки до тех пор, пока в блок D не будут допущены представители полиции. А это могло произойти лишь после того, как у охраны появятся основания полагать, что во время драки в санузле произошло убийство, и совершил его заключенный. Это означало, что Маунтджою предстояло провести в помещении для надзирателей не менее двадцати минут. Оставалось надеяться лишь на то, что события в санблоке будут развиваться таким образом, что никто из охранников пока не вернется в раздевалку. Джон, решивший, что переодеваться еще рано, подумал, что ближайшие двадцать минут станут для него самыми трудными за время пребывания в тюрьме Олбани.

Бунты и массовые беспорядки в британских тюрьмах происходят так часто, что существует специально разработанная для подобных случаев инструкция. Главное для тюремных властей – не допустить захвата в заложники кого-либо из сотрудников охраны или представителей администрации. Надзиратели предпочитают не рисковать зря и не играть в героев. Они не торопятся штурмовать баррикады, если таковые имеются, и вступать с заключенными в открытое противостояние. Сначала они загоняют в камеры тех, кто не принимает непосредственного участия в беспорядках, а затем докладывают начальнику тюрьмы о происходящем. После этого действуют в соответствии со сценарием, который в официальных документах именуется «тактическим вмешательством с минимальным применением силы». Им выдают спецсредства – стальные шлемы, защитные комбинезоны, плексигласовые щиты, дубинки и баллончики со слезоточивым газом. Согласно расчетам Маунтджоя, события должны были развиваться именно так.

У него в кармане были спрятаны накладные усы, он сделал их из собственных волос. Их можно было закрепить на лице при помощи кусочка липкой ленты, которым когда-то был заклеен конверт с чьим-то письмом. Правда, он частично высох и утратил свои свойства. Джон решил, что если надежно прилепить усы не удастся, то придется их выбросить. Предвидя такой исход, он заранее испытал сожаление – на изготовление усов ему пришлось потратить много времени, и сделаны они были на совесть. Достав их, Маунтджой пощупал скотч и убедился, что он стал совсем сухим, словно обыкновенная бумага. Тихо выругавшись, Джон сунул усы обратно в карман.

Со стороны санблока послышался ритмичный стук. Джон на мгновение ощутил приступ паники – ему показалось, будто охранники, готовясь к атаке, хлопают дубинками по щитам. Согласно его расчетам, этот момент должен был наступить значительно позднее. Джон прислушался и понял, что ошибся. Видимо, заключенные, вооружившись ручками от швабр и выломанными кусками труб, колотили ими по стенам, стараясь вызвать у самих себя и других участников бунта боевой задор.

Джон снова сделал попытку приклеить усы к верхней губе, но она также оказалась безуспешной. Что ж, по крайней мере, он сможет заточенной ручкой зубной щетки укоротить отросшие волосы на висках, слегка изменив прическу. В его положении нельзя было пренебрегать любым, даже самым незначительным изменением внешности. На подрезание висков ушло немало времени. К тому же, судя по ощущениям, щетка не столько резала, сколько вырывала волосы. Но все же процедура того стоила.

Проведя в раздевалке надзирателей пятнадцать минут, Джон облачился в полицейскую форму. Она была сшита таким образом, чтобы ее можно было надеть поверх обычных рубашки

и джинсов, которые выдавались заключенным. Джон бережно натянул брюки и китель, двигаясь с предельной осторожностью, опасаясь не порвать швы. В первый момент он ощутил дискомфорт, но напомнил себе, что должен двигаться и действовать уверенно, чтобы не вызвать подозрений у тех тюремщиков, которые будут видеть его на мониторе. Вопреки всему, должен был верить в то, что выглядит как заправский полицейский. В противном случае разоблачения не избежать. Наконец Маунтджой надел фуражку. Она сидела на голове безупречно. Еще никто в тюрьме Олбани не видел его в головном уборе, и это было Джону на руку. Он выпрямился и расправил плечи.

Прошло еще десять минут – невероятно долгих, полных напряжения. Джону хотелось, чтобы заключенные перестали колотить по стенам – из-за стука он не понимал, что делает охрана. Маунтджой знал, что выйти за пределы раздевалки он мог, только будучи уверенным, что представители полиции уже находятся в здании тюрьмы.

Вскоре Джону показалось, что стук стал тише. Приоткрыв дверь, он прислушался. До него донесся чей-то голос, усиленный мегафоном:

– ...нуждается в медицинской помощи. Если вы не дадите врачу возможность его осмотреть, это приведет к очень серьезным последствиям для всех вас.

Трудно было ожидать, что подобные слова произведут впечатление на толпу заключенных, отбывающих пожизненный срок. Джон не удивился, что гул толпы и удары по стенам продолжились.

Открыв дверь пошире, Маунтджой увидел в проходе этажом ниже штурмовой отряд надзирателей в шлемах и спецкостюмах. Они направились в сторону баррикады из урн. Притворив дверь, Джон задумался. События развивались быстрее, чем он рассчитывал. Впрочем, нельзя исключать, что охранники пока не собирались предпринимать активные действия, а всего лишь пытались оценить ситуацию. На пол в проходе с шумом упало что-то металлическое. Послышались громкие ругательства. Вероятно, укрывшиеся за баррикадой заключенные заметили штурмовую группу. Судя по звукам, они обрушили на нее целый град предметов, пригодных для метания.

С момента начала потасовки в санблоке прошло двадцать пять минут. Было ли этого достаточно для того, чтобы Маунтджой мог продолжить осуществление своего дерзкого плана? Ему требовалось оценить ситуацию. Ближайший к раздевалке охранников лестничный пролет находился в четырех шагах от ее двери. Джон прикинул, что, пожалуй, ему удастся спуститься вниз, не привлекая внимания.

Он снова приоткрыл дверь и выглянул наружу. Штурмовая группа из охранников отступила – во всяком случае, в поле зрения Джона ее не оказалось. Помощник начальника тюрьмы, чей усиленный мегафоном голос Маунтджой слышал раньше, снова попытался урезонить бунтовщиков:

– ...основания полагать, что этот человек серьезно ранен, а возможно, и убит. У меня нет другого выхода, поэтому придется немедленно покончить с беспорядками. К сотрудникам тюрьмы уже присоединилась группа офицеров полиции...

Именно это Маунтджой и хотел услышать. Еще раз внимательно осмотревшись, он шагнул за порог раздевалки и быстро направился к лестнице. Ему предстояло спуститься вниз, преодолев два пролета, разделенных небольшой площадкой. Восемь ступенек вниз, поворот на сто восемьдесят градусов, еще восемь ступенек – и он будет на первом этаже. Дальше Джону следовало молить Бога, чтобы тот послал ему удачу.

Первый лестничный пролет частично закрывали перила. Второй просматривался полностью. Джон вспомнил отрывок из фильма «Последний император», где главный герой, выйдя из императорского дворца, оказывается перед огромной толпой. То же самое может произойти и со мной, подумал Маунтджой. Его действительно могли обнаружить в любой момент.

Спускаясь по ступенькам, он почувствовал, что самообладание покидает его. Господи, подумал он, что я делаю? Пытаюсь выдать себя за полисмена, нарядившись в крашенные тряпки и картонную фуражку. Но с чего я решил, что мой план сработает? Чем я только думал?

Добравшись до площадки, Джон сделал поворот. Продолжай идти, убеждал он себя. Кого бы ты ни увидел, с кем бы ни столкнулся, не останавливайся, двигайся вперед.

Неподалеку он увидел группу мужчин в черных полицейских мундирах. К счастью, ни один из них не смотрел в его сторону. Их внимание было приковано к тому, что происходило у баррикады. На нее был направлен свет сразу нескольких прожекторов. Маунтджой начал спускаться по второму лестничному пролету. Заметил, как слева от него какой-то человек в костюме инструктирует штурмовую группу охранников. Шагая по ступенькам, Джон старался смотреть прямо перед собой, избегая зрительного контакта с кем бы то ни было. Сердце отчаянно колотилось. Он с ужасом ждал, что его вот-вот окликнут.

Наконец он оказался на первом этаже. От первой защитной шлюзовой двери Джона отделяло всего пятнадцать шагов, но вокруг было слишкомлюдно, и идти к ней по прямой он не мог. Его продвижение к цели напоминало ходьбу по минному полю. Маунтджой молил Бога, чтобы ему не попался навстречу охранник, знающий его в лицо.

Выпрямись, расправь плечи, твердил он сам себе. Иди так, как ходят полицейские, – спокойно и уверенно. Джону вдруг пришло в голову, что ему очень помогла бы рация – ее можно было бы держать у лица, делая вид, будто он с кем-то разговаривает. Это было бы кстати, если бы кто-нибудь из охранников или полицейских прошел слишком близко от него. Впрочем, теперь поздно об этом думать.

От страха Джону казалось, что все вокруг движутся, словно в замедленной съемке, а сам он наблюдает за происходящим со стороны. Наверное, это был признак надвигающегося нового приступа паники. Вокруг него находилась толпа людей, но вся она состояла из охранников – ни один полицейский до сих пор Маунтджою на глаза не попался. Ему вовсе не улыбалось столкнуться нос к носу с кем-нибудь из них, но он хотел увидеть хоть кого-то в полицейской форме и убедиться, что правильно рассчитал время.

Джон обходил большую группу надзирателей, когда неподалеку от него снова взревел громкоговоритель. Маунтджой вздрогнул так сильно, что едва не уронил с головы свою изготовленную кустарным способом фуражку.

– Отойдите подальше! – скомандовал помощник начальника тюрьмы. – Нам нужно больше места.

Разумеется, эти слова были адресованы отнюдь не Маунтджою. Однако после них все вокруг Джона задвигались быстрее.

– Там убитые есть? – спросил кто-то рядом с ним.

– Пока непонятно, – негромко пробормотал Джон, продираясь сквозь толпу, которая оттесняла его в сторону от намеченной цели.

В этот момент он чувствовал себя как утопающий. Маунтджой всегда испытывал дискомфорт, находясь посреди скопления людей, а сейчас вокруг него были не просто люди, а тюремные охранники. Они стояли плечом к плечу так плотно, что Джон был вынужден останавливаться. В этот момент его уже буквально трясло от страха.

– Они опять идут на штурм, – произнес кто-то у него за спиной.

Отряд, вооруженный спецсредствами, сосредоточился на одном из пролетов лестницы, по которой совсем недавно Джон спустился на первый этаж. В толпе наблюдателей возникло движение – все старались пройти вперед, чтобы лучше видеть. Вокруг стало посвободнее, и Маунтджой стал потихоньку продвигаться вправо. Ему оставалось преодолеть половину дистанции, отделявшей его от двери. От волнения он наступил кому-то на ногу и сильно толкнул стоящего рядом с ним человека в форме надзирателя.

Охранник повернулся и впился взглядом в лицо Маунтджоя. Это был Гриндли, надзиратель из блока D, с которым Джон пересекался каждый день. Гриндли подозрительно прищурился. Маунтджою показалось, будто его узнали, и он решил, что все кончено. Но Гриндли моргнул, и на лице его появилась растерянность. Судя по всему, не мог поверить в то, что перед ним заключенный Джон Маунтджой, и решил, что обознался.

– Извини, приятель, – сказал Гриндли.

Ответить ему Маунтджой не осмелился и ограничился кивком, а затем снова стал пробираться в сторону двери. Она была уже совсем близко, но рядом с ней Джон увидел группу одетых в черные мундиры полицейских. Господи, помоги мне, мысленно взмолился он. Остатываться и менять направление движения было поздно. Джон понял, что ему остается лишь играть свою роль.

Двое из сотрудников полиции повернули головы в его сторону. В глазах мелькнуло удивление. Полицейские явно ожидали от Джона каких-то слов.

– Там наверху прикончили какого-то типа, – произнес он, стараясь, чтобы его голос звучал естественно. – Поэтому начальник тюрьмы нас и вызвал.

У двери Джон поднял руку, давая понять охраннику в дежурной комнате, что он хочет, чтобы его выпустили. Каждая секунда в этот момент казалась Маунтджою вечностью.

– Эй, приятель, ты из Коу? – поинтересовался кто-то из сотрудников полиции.

– Из Шэнклина! – небрежно бросил Джон. – Здесь в командировке.

– Вот почему я тебя не узнал. Как тебе удалось прибыть сюда раньше нас? Наше-то отделение совсем рядом.

– Мы заблаговременно получили кое-какую конфиденциальную информацию, – произнес Маунтджой, нервы которого были уже на пределе.

В этот момент первая дверь открылась, и Джон шагнул за порог. Наступил момент, который множество раз снился ему по ночам. Он должен был простоять в переходной зоне полуженные семь секунд, пока охранник в дежурной комнате, прежде чем открыть вторую дверь, будет внимательно его разглядывать. И все же тут Маунтджой почувствовал себя несколько лучше, чем внутри тюрьмы. Пребывание в переходной зоне стало для него небольшой передышкой.

Однако время бежало, а вторая дверь не открывалась. Джон продолжал ждать, мысленно отсчитывая секунды.

Их прошло уже намного больше семи. Видимо, охранник рассматривал его со всей тщательностью. Наконец вторая дверь поползла в сторону. Джон ощутил на лице дуновение более прохладного воздуха и шагнул вперед. Теперь его было заметно со всех сторон, и вероятность быть узнанным и разоблаченным возросла. Высоко подняв голову и расправив плечи, он миновал вход в блок C, находившийся с правой стороны, и тюремный лазарет. Маршрут, по которому следовал Джон, был ему хорошо знаком. Он неоднократно ходил по нему в классные комнаты и в библиотеку – разумеется, под конвоем. Чтобы попасть к главному входу в здание тюрьмы, нужно было миновать классные комнаты и свернуть налево.

Когда Маунтджой был уже совсем рядом с входом в блок B, его дверь отворилась, и в коридор высыпала группа надзирателей. Все они бросились в сторону Джона, и он решил, что сейчас его схватят. Однако охранники побежали дальше. Не замедляя шага, он прошел еще несколько десятков метров и повернул за угол.

Главный вход был оборудован тройной системой шлюзовых дверей. Вблизи него постоянно горел яркий свет – такой яркий, что Маунтджой испугался, как бы охранники не разглядели на мониторах камер наблюдения грубые швы на его кителе и брюках. Желая выйти, должен был нажать кнопку звонка. Сделав это, Джон принялся ждать, стараясь придать себе небрежный вид, но при этом остаться в образе типичного английского полицейского. После нескольких мгновений шуршания и треска в динамике послышался голос охранника:

– Уже уходите, офицер?

Ответ Джон приготовил заранее – на случай, если по дороге к выходу его кто-нибудь остановит и поинтересуется, куда он направляется.

– А разве подкрепление еще не прибыло? Я должен их проинструктировать.

Первая из трех дверей отъехала в сторону.

– Спасибо, – произнес Маунтджой.

Он сделал шаг вперед и снова принялся ждать. Открылась вторая дверь, а за ней третья.

На улице уже стемнело, но прожекторы на вышках ярко освещали тюремный двор. Неподалеку от главного входа в здание тюрьмы были припаркованы два полицейских автомобиля с красными полосами на бортах. Прекрасно понимая, что наверняка находится в зоне действия внешних камер, Маунтджой подошел к одной из машин и на несколько секунд наклонился к боковому окну, делая вид, будто докладывает о чем-то начальству по рации. Затем он зашагал через двор к воротам.

Собака одного из дежуривших во дворе надзирателей залаяла на Джона, и проводник сердито прикрикнул на нее. Пес, однако, не успокаивался. Чтобы выбраться на волю, Маунтджою предстояло преодолеть еще четыре охраняемых контура, снабженных автоматическими дверями.

Но теперь он верил, что у него все получится.

Глава 2

– Сегодня мне предложили работу.

Стефани Даймонд опустила газету – ровно настолько, чтобы можно было поверх нее бросить взгляд на мужа и понять, говорит ли он всерьез.

– Что-нибудь приличное?

– Этот вопрос требует обсуждения.

На кухонном столе стояла на три четверти пустая бутылка дешевого красного вина и блюдо с картофельно-мясной запеканкой. Бутылка была заткнута пробкой. Стефани ограничила потребление вина одним бокалом в день – как для себя, так и для мужа. Не из стремления к здоровому образу жизни, а из соображений экономии. Даймонды привыкли жить, мягко говоря, очень скромно в своей полуподвальной квартирке на Эддисон-роуд в Кенсингтоне.

Ужин для них являлся желанной передышкой, первой за день, когда они могли побыть вместе и немного расслабиться. Если в течение дня происходило что-либо интересное, они обсуждали это именно во время ужина. Впрочем, разговаривали они далеко не всегда. Стефани любила, сидя за столом, разгадывать кроссворд на последней странице «Ивнинг стандарт». Это давало ей возможность хоть немного прийти в себя после суматошного рабочего дня в магазине «Оксфам». Ей было нелегко часами сдерживать раздражение, которое вызывали у нее богатые женщины из Найтсбриджа. Придирчиво перебирая дизайнерские кофточки и блузки, выставленные на продажу по сниженным ценам, они постоянно требовали, чтобы им сделали дополнительную скидку.

В последнее время Питер Даймонд редко заглядывал в газеты. То, что там печаталось, лишь ухудшало его и без того мрачное настроение. Телевизор он тоже перестал смотреть – за исключением боксерских поединков и матчей по регби. Слишком уж много было на экране криминальной хроники и детективных сериалов, главными героями которых являлись полицейские.

– Ты же вроде уже нашел работу, – заметила Стефани.

– Ну да, – кивнул Питер. – Но на сей раз речь идет о вечерней работе. Натурщиком.

Супруга подняла на Питера непонимающий взгляд. Было видно, что она не может отвлечься от разгадывания кроссворда.

– Кем?

– Натурщиком. Ко мне подкатил какой-то тип в галстук-бабочке и клетчатой жилетке и сказал, что в Челси-колледже не хватает мужчин-натурщиков.

Стефани отложила в сторону газету.

– Тех, которые позируют художникам?

– Верно.

– И тебе предложили такую работу? С твоей-то фигурой?

– Мой новый друг заявил, что моя фигура просто кричит о том, что ее необходимо изобразить углем на холсте. По его словам, у меня рубенсовские формы.

– Неужели?

– Ты когда-нибудь слышала, чтобы я произносил что-либо подобное?

– Но ты ведь не станешь позировать голым?

– Почему бы и нет?

Это была любимая игра Питера. Чтобы она удалась, нужно было до последнего момента сохранять серьезное выражение лица. Стефани с самого начала приняла его слова за чистую монету, и это облегчало ему задачу.

– Между прочим, платят за это неплохо.

– Я не хочу, чтобы мой муж выставлся голым перед толпой студентов.

– Ты говоришь так, словно это преступление.
– Ведь там и девушки есть. Совсем молодые, только из школы.
– Уверен, они сумеют держаться в рамках приличия. Конечно, вид моего тела заставит их сердца колотиться быстрее, но ведь там будут и преподаватели, следящие за дисциплиной.
Питер понял, что немного переиграл.

– Я думаю, ты все это придумал, – произнесла Стефани.
– Вовсе нет, клянусь. Этот тип дал мне свою визитку с номером телефона, чтобы я ему позвонил.

– Синоним слова «эксцентричный» из восьми букв, – произнесла Стефани после небольшой паузы.

– Значит, вот как ты воспринимаешь мои попытки увеличить наши доходы?

– Я просто разгадываю кроссворд.

– Понятия не имею, что его составители имеют в виду. На твоём месте я перестал бы попусту тратить время на всякую ерунду.

– Если бы побольше занимался всякой ерундой, как ты выражаешься, возможно, все еще работал бы в полиции.

Питер усмехнулся:

– Ну, нет. Одного разгадывания кроссвордов для этого маловато. Для этого нужно было бы еще иногда слушать оперу, сидя в машине.

Миновало уже почти два года с тех пор, как Питер опрометчиво уволился с должности начальника отдела по расследованию убийств полиции Эйвона и Сомерсета. Впрочем, самому ему казалось, что с тех пор прошло гораздо больше времени. Постоянную работу он найти так и не сумел и пробавлялся случайными заработками – бармена, Санта-Клауса, охранника в магазине «Харродс», помощника в школе для инвалидов, разносчика газет. В последнее время подвизался в качестве сотрудника супермаркета – его функция состояла в том, чтобы собирать тележки на автостоянке большого торгового центра и возвращать их в помещение магазина. Мужчине средних лет найти хорошую работу в наше время непросто.

До недавнего времени Стефани работала супервайзером школьной столовой. Однако бюджет, которым распоряжались местные власти, урезали, и в июле должность Стефани сократили. После этого она, как и ее супруг, мыкалась без постоянной работы.

– Знаешь, – задумчиво произнесла жена, – я тут недавно видела по телевизору передачу про канал Кеннет-Эйвон. И вспомнила добрые старые времена.

Теперь настала очередь Питера удивляться:

– Я не знал, что ты интересуешься лодками и яхтами.

– Я ими вовсе не интересуюсь. Просто виды там замечательные. Помнишь Бат? Красивый город. Террасы георгианской эпохи выглядели замечательно в лучах заходящего солнца. Они окрашивались в необычный цвет медового оттенка – я ничего подобного нигде больше не видела. Помнишь?

– Разумеется, – ответил Питер, осторожно подбирая слова.

Ему не хотелось обидеть Стефани. Он любил свою жену, в том числе и за то, что она научила его видеть красоту, которой он раньше не замечал.

– Я очень хорошо помню, как радовался возможности выбраться из центра города в жаркие дни. Бат действительно выглядел как красивая цветная открытка, но жара там стояла, словно в турецкой бане. Вернуться туда? Подобный вариант я даже не рассматриваю, Стеф. Если только на денек, чтобы немного проветриться. Это был важный этап в нашей жизни – и счастливый для нас обоих. Но он закончился.

– Речь идет о работе. Причем далеко не легкой.

– Какой именно?

– Ты будешь смеяться, но там есть вакансии натурщицы в художественной школе.

Питер хотел расхохотаться, но что-то в тоне жены сдержало его.

– А откуда ты узнала?

Стефани едва заметно улыбнулась:

– Когда я была одинокой женщиной и нуждалась в карманных деньгах, подрабатывала там натурщицей.

– Позировала? Обнаженной?

– Ага.

– Ты никогда мне об этом не рассказывала.

– Подобное нечасто всплывает в обыкновенных разговорах. И потом, ты не спрашивал. Я и сейчас не стала бы об этом говорить, но так уж получилось.

– Что ж, – сказал Питер, немного оправившись от изумления, – если хочешь, могу замолвить за тебя словечко – может, тебя возьмут натурщицей в Челси-колледж.

– Не смей даже думать об этом.

– Наверное, они имели в виду слово «странный», – вдруг произнес Питер.

– Ты о чем? – прищурилась Стефани.

– Про слово из восьми букв. Из твоего кроссворда.

Позднее, уже в постели, Питер заметил:

– Знаешь, Стеф, теперь, конечно, не следует об этом говорить, но я все-таки скажу. Да, я был идиотом, уволившись из полиции. Но когда я это сделал, то не представлял, что мы с тобой окажемся в этом убогом подвале где-то на задворках.

– Да ладно. Наша квартира вовсе не убогая. К тому же я содержу ее в чистоте.

– Ладно, пусть будет скромная.

– И потом, Эллисон-роуд – вовсе не задворки. Ты только послушай. Уже полночь, а шум машин – как на Пиккадилли.

Питер, однако, не ухватился за брошенный ему спасательный круг. Он явно был настроен каяться.

– Ладно бы еще, если бы речь шла только о моей жизни. Но мое решение касалось и тебя, а я не дал тебе возможности высказаться. Увольнение со службы было самым эгоистичным поступком в моей жизни.

– Но ведь это было дело принципа, – возразила Стефани.

– С моей стороны. Но не для тебя.

– Ты был хорошим детективом, но начальство тебя совсем не ценило. Ты просто не мог это больше терпеть. Они не заслуживали того, чтобы иметь в штате такого сотрудника, как ты.

– Да они были только рады от меня избавиться, – усмехнулся Питер. – Я выпадал из обоймы. Их можно понять.

– Да, с тобой непросто поладить, – промурлыкала Стефани и прильнула к мужу.

– Конечно. Я же грубый и нечуткий.

– И бестактный.

– Невоспитанный.

– И к тому же обожаешь себя жалеть. – Стефани потянула вниз пижамные штаны мужа и шлепнула его по обнажившейся ягодице. – Ну что, так лучше?

– Вроде нет.

– Ну ты и вредина.

– Сама ты вредина.

– Да, я такая, – шепнула Стефани мужу в ухо, плотнее прижимаясь к нему.

В это время на бетонных ступеньках лестницы, ведущей к двери их квартиры, раздались чьи-то шаги.

– Что за черт... – пробормотал Питер, приподнимаясь.

– Наверное, какой-нибудь пьянчуга, – прошептала Стефани.

– Или подростки, которым нечем заняться. Судя по звуку, там не один человек, а несколько.

– Какие подростки в такое время?

Супруги молча прислушивались. Звук шагов стих. Судя по всему, кто-то остановился перед дверью.

– Похоже, они ищут звонок и не могут найти, – предположил Питер.

Сразу после его слов раздался звонок.

– Кто это может быть в такое время? – пробормотал он. – Первый час ночи.

– Да уж. Ну что, откроешь дверь?

– Да пошли они к черту! Меня ни для кого нет дома. Пойду взгляну из-за занавески – просто интересно, кого принесло.

Подойдя к окну, Питер осторожно выглянул на улицу. Перед дверью в тусклом свете фонаря стояли двое молодых мужчин в пиджаках с подбитыми ватой плечами. На пьяниц они не были похожи.

– Понятия не имею, что это за типы, – пробурчал Питер.

Стефани включила ночник.

– Погаси сейчас же!

Она снова щелкнула выключателем. Однако посетители заметили свет и снова принялись терзать звонок, добавив к этому удары кулаками по дверной филенке.

– Пожалуй, лучше уж я пойду открою, – сказал Питер и двинулся к двери.

– В такое время с добрыми намерениями не приходят.

– Я накину цепочку.

Питер набросил на плечи халат. Звонки и громкий стук не прекращались.

– Иду, иду! – громко крикнул он, опасаясь, что неожиданные ночные посетители разбудят остальных жильцов дома.

Вставив в гнездо цепочку, он отпер замок и, чуть приоткрыв дверь, осторожно выглянул в образовавшуюся щель.

– Мистер Даймонд? – спросил один из мужчин.

Питер нахмурился. Вряд ли каким-то бродягам могло быть известно его имя.

– Да, я. Что вам нужно?

– Я инспектор полиции Смит, а это сержант Браун. Мы из полиции Эйвона и Сомерсета.

– Эйвона и Сомерсета? Что-то вы далековато забрались от вашей территории, вам не кажется?

– Вы не возражаете, если мы войдем? – произнес мужчина, представившийся инспектором Смитом, и поднес к лицу Питера свое удостоверение так близко, что тот сумел разобрать, что в нем написано.

Вряд ли люди, действующие под вымышленными именами, выбрали бы фамилии Смит и Браун, подумал Даймонд.

– Вообще-то уже очень поздно, – заметил он. – Чему обязан? Кто-нибудь умер?

– Нет, сэр.

– Тогда в чем же дело?

– Мы могли бы поговорить внутри, мистер Даймонд?

Питер вынужден был признать, что настоящие полицейские говорили бы с потенциальным свидетелем преступления или с человеком, представляющим опасность, именно так.

– Я сам бывший сотрудник полиции. Мне хорошо известны мои права.

– Мы это понимаем, сэр.

– Если меня в чем-то подозревают, я хочу знать, в чем именно.

– Уверяю вас, сэр, мы здесь не для того, чтобы вас допрашивать.

– Однако речь идет и не о визите вежливости – раз уж вы приехали сюда из Сомерсета.

– Верно, сэр. Мы к вам по срочному делу. Поверьте, иначе мы не стали бы вас беспокоить в такое время.

Даймон сбросил цепочку.

– Не волнуйся, дорогая, это из полиции, – сказал он, чтобы успокоить Стефани, но сообразил, что выбрал для этого не самые подходящие слова.

Питер проводил посетителей в гостиную. После того как они окинули взглядом помещение, по их лицам сразу стало ясно – они не понимают, каким образом бывший офицер полиции мог пасть так низко.

– Кофе?

– Пожалуйста, немедленно позвоните по этому номеру, мистер Даймонд, – произнес инспектор Смит, протягивая Питеру листок бумаги и, помедлив, добавил: – У вас ведь есть телефон?

Питер направился к аппарату. Он заметил, что сержант Браун, повернувшись, прикрыл дверь комнаты. Это было сделано не для того, чтобы не допустить сквозняка: посетители не хотели, чтобы Стефани слышала разговор. Просто киношные шпионы, с раздражением подумал Даймонд.

Он набрал написанный на листке номер. Трубку на другом конце провода сняли после двух гудков.

– Да? – раздался неизвестный Питеру голос.

– Это Питер Даймонд.

– Отлично. Я Фарр-Джонс, начальник полиции Эйвона и Сомерсета. Полагаю, мы с вами не знакомы.

Даже если бы Фарр-Джонс и Питер Даймонд хорошо знали друг друга, они вряд ли проводили бы много времени вместе. Судя по голосу, начальник полиции Эйвона и Сомерсета был завсегдатаем гольф-клубов и званых обедов, которых Питер избегал как чумы. Но его имя Даймонду приходилось слышать. Патрик Фарр-Джонс получил назначение на свою нынешнюю должность полтора года назад. Раньше он служил в Норфолке. Начальник регионального отделения полиции среди ночи сидит у телефона и ждет чьего-то звонка? Видимо, речь действительно шла о чем-то важном.

– Вас, вероятно, интересует, по какой причине я попросил вас со мной связаться? – бархатным тоном произнес собеседник Даймонда.

– Нет.

Ответ Питера сбил с толку Фарр-Джонса, который явно ожидал другой реакции на свои слова. Сделав небольшую паузу, он продолжил в том же любезном тоне, начав с комплимента:

– Отлично сказано! Хороший детектив не делает никаких предположений, не имея в своем распоряжении фактов.

– Я больше не детектив, мистер Фарр-Джонс.

– Верно, но...

– И это еще большой вопрос, был ли я когда-нибудь хорошим детективом.

– Насколько мне известно, вы были очень хорошим работником.

– Что ж, жаль, что этого никто не заметил раньше. Так что же случилось? Если об этом писали газеты, то я их не читаю – за исключением объявлений о найме на работу.

– Значит, вы ничего не слышали о человеке по имени Маунтджой?

В памяти Даймонда всплыла картинка из далекого прошлого: спальня, лежащая на кровати мертвая женщина в светло-голубой пижаме. На ткани пятна крови от множественных ножевых ранений. И еще одна странная деталь, о которой упомянули в своих репортажах журналисты: дюжина нераспустившихся бутонов красных роз. Одни из них были обнаружены во рту женщины, другие кто-то просто разложил на теле убитой. В свое время эта история наделала много шума.

– И что с ним?

– Меня удивляет, что вы ничего не слышали. Всю последнюю неделю газеты только об этом и пишут. Он сбежал из тюрьмы Олбани.

– Господи!

Питер Даймонд лично арестовал Джона Грейнджера Маунтджоя 22 октября 1990 года за убийство журналистки Бритт Стрэнд, совершенное в ее квартире в Бате, в районе Ларкхолл. Маунтджоя приговорили к пожизненному заключению.

– Речь идет об очень неприятной истории, мистер Даймонд.

– И какое отношение ко всему этому имею я?

– Вы нужны нам здесь. Для нас важно, чтобы вы приехали.

– Мистер Фарр-Джонс, я уволился два года назад.

– Пожалуйста, послушайте меня, мистер Даймонд. Дело не только в том, что опасный преступник находится на свободе. Сбежав из тюрьмы, он создал экстренную ситуацию. Я ничего не могу сказать вам об этом по телефону. Замечу лишь, что мы запросили полномочия объявить запрет на сообщения прессы по данному делу, и эти полномочия нам предоставили. Как бывший начальник отдела по расследованию убийств, вы должны понимать, что без крайней необходимости мы не идем на подобные меры.

– Вы считаете, что я могу вам чем-либо помочь?

– Дело не в этом.

– А в чем же?

– Я ведь только что сказал вам, что не могу вдаваться в детали по телефону.

– Почему? Если существует запрет на сообщения в прессе, то вы можете говорить совершенно спокойно.

– Пожалуйста, не упрямитесь. Я все понимаю – сейчас поздно, наши сотрудники явились к вам без предупреждения. Но поверьте мне на слово – ваш приезд к нам действительно необходим. Жизненно необходим.

– Что, прямо сейчас?

– Сотрудникам, которые находятся рядом с вами, даны инструкции привезти вас немедленно.

– А если я откажусь?

– Я все равно отдам им приказ доставить вас ко мне.

Питер Даймонд хотел спросить, какой смысл был в разговоре по телефону, если его в любом случае решили посадить в машину и доставить в Бат, но сдержался.

– Что ж, тогда я пойду оденусь, – произнес он. – Но я вам ничего не обещаю. Вы ведь понимаете, что я больше не сотрудник полиции?

Питер отвел Смита и Брауна в кухню и показал, где находится все необходимое для приготовления кофе, а затем отправился в спальню и сообщил Стефани о своем отъезде. О его причине он сказал ей все, что знал, хотя знал совсем немного. В конце концов, он ведь не давал обязательства держать все в секрете от жены. Стефани не поверила, будто в полиции хотят, чтобы ее муж вернулся на прежнюю службу – слишком уж громко он хлопнул дверью, когда уходил. Даймонд действительно был неплохим детективом, но, как известно, незаменимых сотрудников не бывает. Разумеется, Стефани поинтересовалась, сколько времени продлится его неожиданная командировка. Питер напомнил ей, что Бат находится всего в двух часах езды, и пообещал, что позвонит утром.

– Полагаю, что это лучше, чем позировать голым, – улыбнулся он, чтобы разрядить атмосферу.

– Я бы на это не рассчитывала, – заметила Стефани.

Глава 3

Сержант Браун вел машину так, словно сидел не за рулем автомобиля, а за штурвалом самолета, идущего на взлет. Улицы западного Лондона за окном сливались в мутные полосы. Сидя на заднем сиденье красного «Ровера Монтего», Питер Даймонд предпринял несколько попыток завязать разговор со своими сопровождающими. Ему хотелось выяснить, в чем состоит «экстренная ситуация», о какой упомянул Фарр-Джонс и из-за которой его вытащили из дома среди ночи. Однако и Смит, и Браун предпочитали отмалчиваться, так что в конце концов Питер решил, что они оба – просто оперативники и им самим ничего толком не известно. Сменив тему, он попробовал узнать, какие изменения произошли за последние два года в кадровом составе полиции Эйвона и Сомерсета. Ему сразу стало ясно, что с приходом нового начальника там появилось много новых сотрудников. В отделе по расследованию убийств после ухода Даймонда осталось лишь два детектива, которые работали при нем. Семеро были либо переведены на другие должности и в другие отделения, либо ушли в отставку. Оставшимися оказались Кайт Халлиуэлл, человек весьма обаятельный, но довольно поверхностный в том, что касалось профессии, и Джон Уигфул, карьерист, думавший исключительно о том, как угодить начальству. При этом Уигфулла повысили до старшего инспектора, так что теперь он возглавлял отдел.

Узнав новости, Даймонд прикрыл глаза, убеждая себя в том, что его они больше не касаются. Какое ему дело до того, что подхалим Уигфулл оказался на руководящей должности?

– Правильно делаете, – сказал Смит.

– Вы о чем? – удивился Питер.

– Пытаетесь хоть немного поспать, пока есть возможность.

– Если и дальше будем мчаться так быстро, не исключено, что мы все можем заснуть вечным сном.

Странно, но в какой-то момент Даймонд все же задремал. Когда же проснулся, машина въезжала на заправку.

– Не знаю, как вы, джентльмены, а я бы не отказался от чашки кофе, – сказал Питер.

– Мы будем на месте меньше чем через час, – отозвался Смит.

– Точнее, менее чем через сорок пять минут, – заявил Браун. – Тогда и кофе попьете.

– Боюсь, к тому времени мне потребуется кое-что покрепче, чем кофе.

На последнем отрезке пути, когда дорога после длинного подъема начала спускаться, Браун превзошел самого себя. Почти не снижая скорости, он закладывал крутые виражи на поворотах, и визжавшие покрышки оставляли на дороге черные следы. Даймонд знал, что, если бы они не удержались на трассе, их ждало бы падение с высоты в несколько сотен футов. Он крепко вцеплялся обеими руками в край сиденья всякий раз, когда Браун бросал автомобиль в очередной изгиб дорожного полотна.

При иных обстоятельствах Питер Даймонд мог бы насладиться видом залитого электрическим светом Бата и украшенного подсветкой аббатства. Однако он благоразумно решил подождать с выражениями восторга до того момента, когда машина закончит спуск.

– Хорошо, – негромко произнес он, когда это произошло.

– Что именно? – поинтересовался Смит. – Вам понравилось вождение? Или рады оказаться здесь, в Бате?

– Сколько сейчас времени?

– Начало четвертого.

– Значит, дорога заняла целых два часа. Долго же мы ехали.

Смит и Браун являлись для Питера легкими мишенями – задеть их было проще простого. Впрочем, интуиция подсказывала Даймонду, что настоящий обмен колкостями еще впереди.

– Ну, и с кем мне предстоит побеседовать? – спросил он. – Кому из вашего начальства не спится?

Смит никак не отреагировал на слова Даймонда.

Машина подкатила ко входу в отделение полиции Бата на Манверс-стрит, и Питер, радуясь, что остался жив после поездки, в сопровождении Смита отправился получать ответ на свой вопрос.

Ему сразу бросилось в глаза, что просторную когда-то приемную для посетителей разделили перегородками на несколько небольших помещений. Трофеи, завоеванные в соперничестве с коллегами из других отделений, по-прежнему хранились неподалеку от входа в стеклянном шкафу. Круглое зеркало было размещено на стене таким образом, чтобы из любой точки вестибюля можно было хорошо видеть входящих и выходящих. Дежурный сержант сидел за бронированным стеклом, словно банковский служащий. Он был одним из старожилов отделения, и при виде Даймонда лицо его просияло.

– Мистер Даймонд! – воскликнул он. – Рад вас видеть!

Приветствие оказалось более теплым, чем Питер ожидал. У него, впрочем, не возникло по этому поводу никаких иллюзий – он сразу сообразил, что дело не в отношении лично к нему, а в инструкциях. Руководство отделения велело сотрудникам по возможности быть любезными с посетителями.

Смит проводил Даймонда наверх, в комнату, где обычно принимали вышестоящее начальство. Питер хорошо помнил, что именно из этой комнаты он вышел, демонстративно хлопнув дверью, когда находился в отделении на Манверс-стрит в последний раз. В тот день мистер Тотт, заместитель начальника отделения, облаченный в застегнутый на все пуговицы мундир, объявил Питеру, что он отстранен от расследования дела об убийстве, которым занимался в последнее время. Даймонд также узнал, что дело передано Уигфуллу. Причиной послужил незначительный инцидент, случившийся ранее. Даймонда обвинили в чрезмерной жестокости по отношению к двенадцатилетнему хулигану, пнувшему его в пах. В результате ответных действий Питера тот якобы получил сотрясение мозга. Между тем Даймонд всего лишь оттолкнул парня, и тот ударился спиной и головой о стену. Позднее Мэтью – так звали наглого юнца – признался, что никакого сотрясения не было и он просто симулировал. Однако к тому времени Даймонд уже уволился со службы.

Дверь комнаты была открыта.

– Входите, – произнес Смит. – Мистер Тотт ждет вас.

Даймонд резко остановился, упершись ладонью в дверной косяк.

– Вы сказали – Тотт? Не могу поверить.

– Замчалника отделения, – прошептал Смит с нотками благоговения в голосе.

– Мне известно, кто он такой, – заявил Даймонд громко и резко, так что в комнате его слова наверняка услышали. – Я не желаю с ним говорить.

Развернувшись, Питер двинулся по коридору обратно к лестнице. Он вряд ли смог бы сказать, куда именно идет, но знал одно – ему хотелось оказаться как можно дальше от неприятного ему человека, которого он презирал. В душе Даймонда снова закипел гнев.

Догнав Питера, Смит схватил его за рукав:

– Что случилось?

– Просто я не хочу устраивать здесь бойню.

– О чем вы?

– Не волнуйтесь. К вам это не имеет никакого отношения.

– Еще как имеет. Мне поручили доставить вас в ту комнату. Там вас ждут и хотят с вами побеседовать. Куда вы вдруг собрались среди ночи?

– Куда угодно, лишь бы подальше от этого ублюдка. Я – гражданское лицо, штатский. И никому ничего не должен.

Питер зашагал вниз по лестнице.

– Я не могу позволить вам уйти, мистер Даймонд, – произнес Смит у него за спиной. – Я вас не выпущу из здания.

– Ну-ка, попробуйте остановить меня! У вас есть ордер на мой арест?

Спустившись на первый этаж, Питер пересек вестибюль, не удостоив ни словом своего старого знакомого, сержанта, сидящего в дежурке. Распахнув двойные двери, он вышел на улицу, жадно вдохнув прохладный ночной воздух.

– За кого они меня принимают – за полного идиота? – возмущенно воскликнул он.

Даймонд быстро зашагал прочь по Манверс-стрит, чувствуя, что кровь у него в жилах продолжает бурлить от ярости. Однако, когда перед глазами замелькали светящиеся пятнышки, Питер сообразил, что у него, вероятно, поднялось давление, и будет лучше, если он успокоится. По крайней мере, сказал он себе, у него хватило решимости уйти. Тем самым он показал своим недругам, что несколько от них не зависит и не намерен плясать под их дудку.

Даймонд решил попробовать снять номер в отеле «Фрэнсис» на Куинн-сквер. Это было вполне подходящее место, где он мог поспать до утра, а затем сесть на поезд и отправиться домой. В прежние времена в обеденный перерыв он нередко заходил в бар отеля, чтобы выпить кружку пива. Питер представил уютное помещение с плюшевыми диванами и креслами. Вспомнил городских щеголей в костюмах из ткани в тонкую полоску, развлекающих капризных девушек в шляпках-колокольчиках. И невольно улыбнулся.

Центр города Бат в ночное время был безопаснее для одинокого пешехода, чем центр Лондона. За весь путь Даймонд никого не встретил, если не считать группы бродяг, сгрудившихся у вентиляционной решетки неподалеку от римских бань – из нее поступал теплый воздух. Питер решил, что, если не удастся снять номер в отеле, он отправится на железнодорожную станцию и проведет остаток ночи там. А затем уедет обратно в Лондон первым же поездом.

Питер уже отчетливо различал перед собой портик отеля «Фрэнсис», выполненный из стекла и металлических решеток и обращенный в сторону старых деревьев на Куинн-сквер и обелиска, украшавшего площадь. Оставалось пройти до вращающейся двери отеля всего несколько шагов, когда из-за угла, с Чепэл-роуд, вывернулась полицейская машина с включенным проблесковым маячком и, грубо нарушая правила и визжа покрышками, ринулась прямо к нему.

На Куинн-сквер спрятаться было некуда. Ни переулков, ни дверей магазинов, куда можно нырнуть, – ничего, кроме отеля, вход в который был обнесен металлическими поручнями. Комплекция Даймода плохо подходила для бега и прыжков, к тому же ему не хотелось ворваться в отель, будучи преследуемым по пятам полицейскими. Он остановился на тротуаре и стал ждать.

Патрульная машина остановилась, и с пассажирского сиденья на тротуар ступил человек в джинсах и кожаной куртке. Питер не сразу сообразил, что это женщина. Еще больше времени ему потребовалось, чтобы узнать ее. В последний раз, когда они встречались, Джули Харгривз была полицейским сержантом. Тогда Джули произвела на Даймонда положительное впечатление – она показалась ему способным и надежным сотрудником.

Вздыхнув с облегчением, Даймонд немного расслабился и улыбнулся.

– Я ничего такого не сделал, шеф, – сказал он. – Зачитайте мне мои права.

Джули улыбнулась в ответ.

– Я так и знала, что вы отправитесь во «Фрэнсис».

– Да, это было одним из моих любимых мест.

– Смит проверяет «Пратт».

– Вы хорошо изучили мои привычки. Ну что, наденете на меня наручники, Джули?

– Вообще-то следовало бы. Вы сейчас самый разыскиваемый человек в Бате.

Почувствовав, что наступил удобный момент, чтобы получить хоть какую-то информацию, Даймонд произнес:

– Было бы интересно знать, почему. Тотт, похоже, полагает, что у него есть полное право приказать, чтобы меня разбудили среди ночи, вытащили из постели, запихнули в машину, отвезли за сто двадцать миль из Лондона в Бат и доставили к нему в кабинет для разговора. А я-то, дурак, думал, что времена гестапо канули в прошлое.

– Извините, мистер Даймонд, дело действительно срочное.

– Да, мне говорили.

– За вами послал вовсе не мистер Тотт.

– Верно, не он, – кивнул Питер, – а Фарр-Джонс.

– Мистер Тотт в данном деле вообще ничего не решает. Он, конечно, имеет к нему отношение, но лишь косвенное – как жертва.

– Жертва?

– В каком-то смысле. В общем, если говорить откровенно, жертва не он сам, а его дочь.

– Дочь Тодда?

– Послушайте, я вам ничего не говорила, ладно? – Джули нервно оглянулась через плечо на водителя патрульной машины, который говорил по рации. – Начальство хочет само ввести вас в суть проблемы. Они очень надеются на вашу помощь.

– Но что я могу такого, чего не могут другие?

– Вы должны их выслушать, мистер Даймонд. Эту историю держат в тайне.

Даймонд хотел спросить, о какой истории идет речь, но понял, что, пытаясь получить информацию от Джули, поступает не совсем порядочно. Ведь он мог добыть нужные ему сведения вполне легальным путем. А его неприязнь к Тотту – сугубо личное дело.

– Ну, так что, сэр? – промолвила Джули. – Вы поедете со мной обратно на Манверс-стрит, чтобы переговорить с моим начальством?

– Ладно, ваша взяла, сержант.

Когда они сели в автомобиль, Джули сообщила Питеру, что в ноябре прошлого года ее повысили до должности инспектора. Он сказал, причем искренне, что она это заслужила.

Через пять минут Даймонд сидел за большим овальным столом в кабинете Тотта, при виде которого его едва не стошнило. Тотт принадлежал к исчезающей разновидности полицейских руководителей, которых на вид трудно было отличить от генералов времен Второй мировой войны. Кроме него и Даймонда за столом расположились старший инспектор Джон Уигфулл, инспектор Джули Харгривз и инспектор Кайт Халлиуэлл. Уже по тому, как собравшиеся его поприветствовали, Питер понял, что речь действительно пойдет о чем-то чрезвычайном. Тотт, встав со своего места, обошел стол и, остановившись перед Даймондом, чуть ли не насильно пожал ему руку. Мало того, стиснув в пожатии правую ладонь Питера, Тотт другой, левой рукой ухватил его за локоть.

Халлиуэлл ограничился приветливой улыбкой и вежливым кивком. Уигфулл тоже растянул губы, но при этом соорудил страдальческую физиономию, словно участник Уимблдонского теннисного турнира, проигравший решающий сет.

– Почему бы вам не проверить, что стало с тем кофе, который мы заказали? – спросил Тотт, бросив взгляд на Уигфулла.

Старший инспектор, залившись краской, встал из-за стола и вышел из комнаты.

– Мистер Даймонд, – начал Тотт, как только дверь за Уигфуллом затворилась, – нам всем придется нелегко. Джон Уигфулл сейчас является старшим инспектором, и все нити расследования дела, о котором пойдет речь, находятся в его руках.

– Поскольку я ни в каких расследованиях больше не участвую, не вижу в этом проблемы, – заметил Даймонд.

Тотт, опустив голову, сел и подпер подбородок кулаками. Поза свидетельствовала о том, что он в чем-то раскаивается и собирается сделать нелегкое для себя признание.

– Я хочу выступить с заявлением личного характера. Было бы хорошо, если бы вы, мистер Даймонд, отбросили в сторону свои негативные чувства ко мне. Надеюсь, в данный момент мы сможем на время забыть о причинах, которые эти чувства породили. Смею вас заверить, что мое присутствие здесь в данный момент не является необходимым. Но я подумал, что должен присутствовать в отделении, когда вы сюда прибудете. Как-никак я перед вами в долгу.

– Передо мной?

– И перед... перед другими тоже. Полиции Эйвона и Сомерсета необходима ваша помощь. И я считаю нужным лично призвать вас... Нет, попросить с сочувствием выслушать все, что вам скажут. А поскольку мы с вами во время нашего последнего разговора в этой комнате расстались отнюдь не друзьями, самое меньшее, что я могу сделать...

– Ладно, мистер Тотт, попытка засчитана, – произнес Даймонд. – Я не ожидал, что когда-нибудь снова окажусь в этой комнате. Но тем не менее я тут.

– Благодарю вас.

– А теперь, может, кто-нибудь объяснит, зачем меня сюда привезли?

Нетрудно было заметить, что Тотт находился в состоянии нервного напряжения. Голос его прерывался, руки дрожали.

– Полагаю, будет лучше, если это сделает старший инспектор Уигфулл, который вот-вот вернется, – ответил он.

Тотт и Уигфулл. Ну и команда, подумал Даймонд.

В комнату вошел полицейский-стажер, неся поднос с кофе и бутербродами с ветчиной и сыром. Следом за ним появился Уигфулл и занял свое место за столом. Питер не без язвительности отметил, что назначение Уигфулла на должность начальника отдела по расследованию убийств привела к одному любопытному изменению в его внешности: теперь его усы были тщательно подстрижены. А пару лет назад они довольно неопрятно торчали в разные стороны.

– Насколько я понимаю, вы собираетесь ввести меня в курс дела, Джон, – сказал Даймонд.

– Именно так.

Уигфулл дождался, пока стажер выйдет и закроет за собой дверь, и взглянул на Тотта. В зависимости от отношения к старшему инспектору этот взгляд можно было истолковать либо как выражение вежливости, либо подобострастия. Тотт кивнул.

– Итак, – начал Уигфулл, – как вам известно, десять дней назад, четвертого октября, Джон Маунтджой совершил побег из тюрьмы Олбани.

– Вы сказали «как вам известно». Но я про побег Маунтджоя ничего не знаю, – возразил Даймонд.

На лице Уигфулла появилось недоверчивое выражение.

– Но ведь об этом писали все газеты!

– Я не читаю газет, Джон.

– В общем, он каким-то непостижимым образом прошел через несколько дверей с электронными замками, переодетым в форму офицера полиции. Справедливости ради следует сказать, что в это время в тюрьме возникли беспорядки, и весь персонал бросили на их подавление. Пока не удалось выяснить, был ли бунт устроен специально, чтобы облегчить Маунтджою побег. С момента, когда он оказался за пределами тюрьмы, и временем, когда охранники обнаружили его отсутствие и подняли тревогу, прошло два часа. Судя по всему, беглец отличается редким хладнокровием. Вместо того чтобы напрямик направиться к дороге, он добрался до Паркгерста, соседней тюрьмы, которую, как вам известно, от Олбани отделяет только поле. Там он проник в дом, где живут женатые надзиратели, и украл принадлежащую супруге одного из охранников карточку торговой сети «Метро». Два дня спустя ее нашли в Бембридже.

– Странный он выбрал путь. Ведь Бембридж находится довольно далеко, на восточной окраине острова.

– Этот человек поступает непредсказуемо. Пока полиция прочесывала местность к северу от Олбани, он украл небольшую прогулочную лодку класса «Миррор Динги», стоявшую на берегу у одного из летних коттеджей, рядом с гаванью.

– Похоже, Маунтджой везучий.

– Полагаю, дело не в этом. Там было несколько лодок. Люди на острове довольно беспечны. Хозяин похищенной лодки проявил неосторожность, оставив в ней все снасти. Маунтджой нужно было всего лишь спустить ее на воду под покровом темноты и поднять парус.

– Где он научился ходить под парусом?

– А это имеет значение? – удивился Тотт.

– И немалое. Спустить лодку на воду и поднять парус – не так просто.

– Он посещал частную школу в Истберне, – пояснил Уигфулл.

– Там обучают парусному делу? – поинтересовался Даймонд, чтобы внести полную ясность в обсуждаемый вопрос.

– Да. Как раз на «Миррорах».

Уигфулл, судя по выражению его лица, знал о существующей в Британии системе образования так же мало, как о хождении под парусом.

– Итак, беглец под покровом темноты спустил лодку на воду, поднял парус и направился на восток, – продолжил он. – Течение должно было отнести его в сторону Портсмута. Пройдя пятнадцать миль, он оказался в Уэст-Уиттеринге.

– Откуда вам это известно?

– Хозяин коттеджа в Бембридже приехал, чтобы закрыть дом на зиму, и обнаружил пропажу лодки. На берегу в районе Уэст-Уиттеринг нашли обломки ее корпуса. Это давало основания предположить, что Маунтджой утонул. Однако местный фермер заметил рядом с изгородью своего участка аккуратно сложенные парус и спасательный жилет. Полиция прочесала остров между Олбани и Коуз. Было организовано наблюдение за всеми паромами, а Солент постоянно патрулировался вертолетами.

– А беглец, значит, направился в Бат?

Уигфулл кивнул:

– Все, что я сейчас говорю, только для вашего сведения. Пресса не будет ничего писать об этом деле до тех пор, пока мы не разрешим существующую проблему. Итак, в течение недели о Маунтджое ничего не было слышно. А вчера вечером девушка-оператор отеля «Ройал кресент» приняла телефонный звонок. Звонил мужчина, судя по голосу, вполне интеллигентный. Он потребовал, чтобы девушка записала его слова и как можно быстрее передала сообщение полиции. Так, собственно, все и началось.

Уигфулл протянул Даймонду блокнот с фирменным знаком отеля «Ройал кресент». Питер неохотно взглянул на него, всем своим видом давая понять, насколько ему не хочется ввязываться в данное дело. Однако, увидев в тексте свои имя и фамилию, не удержался и, взяв блокнот в руки, прочитал запись: «Мистер Тотт, ради девушки сообщите Питеру Даймонду, что он должен быть готов, с машиной, к девяти часам утра. Он должен быть один. Никаких раций, подслушивающих устройств, попыток преследования. Запомните: терять мне нечего».

– Здесь говорится о девушке. Значит, речь идет о похищении? – уточнил Даймонд и, стараясь не встречаться взглядом с Джули, поинтересовался: – Нам известно, кого преступник имеет в виду?

– Это моя дочь Саманта, – дрожащим от волнения голосом ответил Тотт.

– Ясно.

– Именно поэтому мы все принимаем эту историю так близко к сердцу, – добавил Уигфулл.

– В любом случае вы должны принимать это близко к сердцу, – едко заметил Даймонд. – Не так ли, Джон?

По лицу Уигфулла пробежала тень смущения.

– Она занимается музыкой. Учится в школе Менухина, – произнес Тотт.

– Очень привлекательная молодая женщина, – сказал Уигфулл.

– Разве это имеет какое-нибудь значение? – спросил Питер, взглянув на Джули.

– Да, имеет, – кивнул Тотт. – Все в один голос твердят, что она просто чудо, и если мои слова звучат как отцовское бахвальство – что ж, пусть так. Примерно пять недель назад «Дейли экспресс» напечатала репортаж о талантливых музыкантах, вынужденных из-за спада в экономике играть на улице, развлекая прохожих. В репортаже была помещена фотография Саманты, играющей на скрипке во дворе аббатства, в бювете, где пьют минеральную воду. Очевидно, фоторедактора привлекла ее внешность. К сожалению, в тексте статьи было сказано, что это дочь заместителя начальника полиции. Мы полагаем, что в тюрьме Маунтджой попался на глаза номер газеты.

– Сколько времени прошло после ее похищения?

– Она пропала в субботу вечером, – ответил Уигфулл. – Имеется в виду официально зафиксированное время исчезновения.

Тотт кашлянул и добавил:

– Понимаете, Саманта, в общем-то, сама себе хозяйка. Поэтому мы подняли тревогу только после получения послания.

– В нем не упоминается ее имя.

– Новых заявлений о пропаже девушек не поступало, – объяснил Уигфулл. – А послание составлено таким образом, что сразу становится ясно – отправивший его уверен, что мы знаем, о ком идет речь.

– Сколько лет вашей дочери, мистер Тотт?

– Двадцать два года.

– Способна ли она выдержать подобное испытание?

– Она очень сильная. – Губы Тотта задрожали. – Но всему есть предел.

Даймонд положил ладони на край стола и откинулся на спинку стула. Затем снова взял в руки листок и сделал вид, будто еще раз внимательно читает текст.

– И все-таки, почему вы решили, что делом должен заняться я? – поинтересовался он после долгой паузы.

– Ведь из-за вас Маунтджой оказался в тюрьме, – ответил Уигфулл. – Он отбывал срок в Олбани. Так что ему скорее всего неизвестно, что вы уволились два года назад.

– Да, но что ему от меня надо?

– В свое время он утверждал, что невиновен, – заметил Тотт.

– Так говорят все, – твердо заявил Даймонд. – Маунтджой был виновен. Этот тип и раньше применял физическое насилие по отношению к женщинам. – Он посмотрел на Тотта. – Простите, но мы все знаем, что это правда.

Тотт кивнул и зажмурился.

– Вместо того чтобы залечь на дно где-то в другом месте, он пошел на большой риск, – сказал Уигфулл. – Мы полагаем, что Маунтджой намерен поторговаться с вами, Даймонд.

– Поторговаться? По поводу чего? Я ничем не могу ему помочь. Даже если бы я продолжал работать в полиции, это было бы мне не под силу. В конце концов, я не министр внутренних дел. Его дело прошло через суд.

– Питер, при всем моем уважении к вам, вы упускаете один момент, – произнес Уигфулл.

Оказывается, теперь они относятся ко мне с уважением, с иронией подумал Даймонд. Похоже, за последние два года действительно многое изменилось.

– Объясните, что вы имеете в виду.

– Согласно последним тенденциям, в делах о похищении людей важно выяснить требования похитителей. Это означает, что с ними необходимо установить контакт и построить определенные отношения. Главная цель – максимально точно оценить ситуацию. Только после этого можно разрабатывать план освобождения жертвы.

Идиот, подумал Даймонд. Напыщенный кретин.

– То есть вы намерены тянуть время и немного подыграть Маунтджою?

– Совершенно верно. Мы хотим выяснить, чего он хочет, и не допустить, чтобы он вышел из себя. Тогда пленница не пострадает. Не исключено, что его требования окажутся невыполнимыми, но пока что мы о них ничего не знаем. В общем, мы должны действовать таким образом, чтобы преступник понял: мы готовы к переговорам.

– А роль переговорщика вы решили возложить на меня?

– Ему нужны именно вы, – пожал плечами Уигфулл. – Как я уже сказал, главный принцип в подобных делах...

– Не продолжайте! Значит, вы хотите сделать меня посредником между полицией и Маунтджою. Поскольку именно я отправил его за решетку, мне кажется, ваш план обречен на провал.

– Но он в своем послании назвал ваше имя!

– Трогательно! Давайте посмотрим правде в глаза: Маунтджой просто собирается прикончить меня. И какое же прикрытие у меня будет? Никакого. Я это по вашим глазам вижу.

– Мы не знаем, вооружен ли он.

Видя, что разговор принял нежелательное направление, Тотт решил вмешаться:

– Дорогой Питер, я не отрицаю, определенный риск есть. В этом нет никаких сомнений. Я не знаю, есть ли у вас дети...

– Нет.

Тотт не был готов к такому ответу – Даймонд одним коротким замечанием выбил у него из рук все аргументы, которые он собирался озвучить. На помощь Тотту пришла Джули Харгривз.

– Чтобы спасти эту девушку, потребуется большое мужество, – тихо промолвила она.

Даймонд не хотел изображать героя, однако, как многие мужчины старой закалки, терпеть не мог выглядеть трусом, особенно в присутствии женщин. И вместо того чтобы отказаться от выполнения сложного и опасного поручения, он спросил:

– Кто-нибудь видел Маунтджою в этих местах? Если, как вы говорите, в газетах напечатали его фотографию, кто-то мог его видеть и опознать.

– Только не в Бате, – ответил Уигфулл. – Где-нибудь еще, но только не здесь. Вы же знаете, что это за город.

Даймонд недовольно кивнул, пробормотав что-то себе под нос. Да, его бывший коллега прав. Вероятно, виной тому была местная архитектура, отвлекавшая людей от всего остального, но так или иначе жители города и туристы, находясь на улицах Бата, полностью утрачивали способность узнавать других людей. Были случаи, когда члены королевской семьи заходили за покупками в магазины на Мильсон-стрит, и никто в их сторону даже головы не поворачивал.

– Если бы вы сняли запрет на публикации в прессе, вам удалось бы привлечь к делу местных жителей. Их помощь была бы кстати. Вы не думали об этом? – спросил Даймонд.

Тотт стиснул подлокотники стула.

– Я полагаю, сейчас это не совсем уместно, – ответил он.

– По целому ряду причин будет лучше, если мы не станем привлекать к делу внимание журналистов и общественности, – поддержал своего руководителя Уигфулл.

– Вы хотите сказать, что это повредит репутации полиции Эйвона и Сомерсета?

Уигфулл бросил на Даймонда взгляд, намекающий, что он не столько рассержен, сколько оскорблен его замечанием.

– Для нас важно не позволить Маунтджою манипулировать СМИ. Он ведь не дурак.

– К тому же мы не хотим, чтобы пресса и общественность помешали проведению операции, – добавил Тотт.

– Операции? – повторил Даймонд.

– Пока речь идет о расследовании. Впрочем, называйте как хотите.

– Меня нисколько не заботят тонкости терминологии, мистер Тотт. Я просто даю вам понять, что, если хотите, чтобы я участвовал в данном деле, мне необходимо знать все детали вашего плана.

– Я вас прекрасно понимаю.

– Итак, что вы предприняли до этого момента?

Тотт сделал жест рукой, предоставляя право ответа Уигфуллу.

– Мы следуем обычной процедуре, предусмотренной для случаев похищения человека, – начал тот. – Иными словами, проводим интенсивное прочесывание местности в радиусе пяти миль от центра города.

– Большая территория.

– Верно, но нами задействовано много сотрудников. Кроме того, мы тщательно проверяем все случаи незаконного проникновения в дома и угона автомобилей.

– Вы считаете, что Маунтджой находится в городе?

– Чтобы захватить Саманту, он должен был оказаться в Бате. В последний раз, когда ее видели, она давала музыкальное представление на Столл-стрит.

– Что значит – захватить? Не мог же он среди бела дня в субботу сгрести ее в охапку прямо на Столл-стрит и утащить с собой? Кругом полно людей, в том числе туристов. Она давала представление?

– Да.

– Данные точные?

Уигфулл кивнул:

– Одна из ее подруг видела, как Саманта играла на скрипке, развлекая прохожих. Это было примерно в четверть пятого. Подругу зовут Уна Мун. Это та самая молодая женщина, которая в понедельник заявила, что Саманта пропала. Мисс Тотт проживает в заброшенном доме в Уиткомбе – вместе с еще несколькими молодыми людьми и девушками.

– У них там что, незаконное поселение?

Тотт заерзал на стуле.

– Можно сказать и так, – отозвался он. – Там живет безработная молодежь. Саманта ушла из дома почти год назад – вопреки нашему с супругой желанию. Мне очень жаль, что так случилось.

– У вас есть ее фотография?

Джули Харгривз достала из папки черно-белую распечатку снимка размером пять на семь дюймов и передала его Даймонду. Видимо, оригинал фото взяли из семейного альбома. Девушка в длинном платье из тафты со старомодными пышными рукавами стояла на сцене вместе с группой молодых музыкантов. Саманта оказалась на редкость миловидной. Безупречный овал лица, большие темные глаза, красиво очерченные губы с чуть приподнятыми уголками. И пышные волосы в мелких кудряшках.

– В субботу она была одета иначе?

– В черном вязаном топе и голубых джинсах, надетых поверх черных колготок, – объяснила Джули Харгривз. – И еще длинные черные носки и поношенные кроссовки «Рибок». На улице уже холодно. Разумеется, у нее была с собой скрипка. И футляр.

– Скрипку не нашли?

– Нет.

Даймонд протянул руку к блюду с бутербродами. Взяв один, он то ли случайно, то ли нарочно столкнул на стол еще два, которые затем также переложил на свою тарелку. Остальные участники беседы молча наблюдали за его действиями.

– И какой же у вас план, Джон? – наконец спросил Питер.

Уигфулл вдруг засуетился – потер щеки, несколько раз поменял положение ног под столом, откашлялся.

– Это зависит от того, можем ли мы рассчитывать на ваше сотрудничество, – наконец произнес он.

– Да ладно вам! – резко бросил Даймонд. – Слушайте, хватит торговаться. Мы с вами не на каирском базаре. Если у вас есть план действий, я хочу знать, какой именно.

– Я вас понимаю.

– Ну и?

– Мы бы хотели, чтобы вы выполняли все инструкции Маунтджоя. У вас будет машина, оборудованная устройством для видеонаблюдения.

– Инструкции Маунтджоя, по-моему, этого не предусматривают. Более того, если я правильно понимаю, они запрещают подобные трюки.

Уигфулл кивнул:

– Понимаете, «жучки», которые мы используем, настолько малы, что он не сумеет обнаружить их – если только не разберет машину на части где-нибудь в гараже. Мы сможем постоянно фиксировать ваше местонахождение и вести скрытое видеонаблюдение. Я подчеркиваю, Питер, скрытое. О попытках провести захват преступника в тот момент, когда вы будете находиться рядом с ним, речи не идет. Просто благодаря оборудованию мы выясним, куда он направится после контакта с вами.

– Вы полагаете, он двинется туда, где держит Саманту?

– Да, надеемся на это.

– Я рад, что вы всего лишь надеетесь на это, но не испытываете на сей счет твердой уверенности, – усмехнулся Питер. – Уверен, с Маунтджоем подобный трюк не сработает. Он отнюдь не наивен и не поверит в то, что вы его послушаетесь и не станете использовать «жучки» только потому, что он вас об этом попросил. Полагаю, Маунтджой воспользуется угнанной машиной и отвезет меня в такое место, где сможет разделаться со мной быстрее, чем вы успеете свистнуть в свисток.

Уигфулл покачал головой.

– Он бежал вовсе не для того, чтобы убить вас.

– Откуда вы знаете, что у него на уме?

– Если он вас убьет, это поломает все его планы. Ведь Маунтджой утверждает, будто его осудили несправедливо. Считает, что ему просто пришили дело.

Питер почувствовал, что у него снова поднимается давление.

– Ничего я ему не пришивал. Вы что же, хотите сказать, что я был продажным полицейским, способным намеренно отправить в тюрьму невинного человека?

– Не обижайтесь, мистер Даймонд, – произнес Тотт.

– Я беру назад свои слова о пришитом деле, – сказал Уигфулл. – Но Маунтджой действительно заявил, что в отношении него была совершена судебная ошибка. Мол, он никого не убивал. Маунтджой заявлял это неоднократно после оглашения приговора и во время пребывания в тюрьме. Через своего адвоката трижды подавал прошения об апелляции. Как сообщил нам начальник тюрьмы Олбани, Маунтджой постоянно твердил, что невиновен. Он не из тех преступников, которые мечтают убить полицейского, засадившего их за решетку.

– Маунтджой – убийца, – заявил Даймонд. – И мы это знаем. Не так ли?

– Вне зависимости от этого...

– Да вы что, шутите?

Уигфулла, однако, возмущенная реплика Даймонда не смутила.

– Итак, – продолжил он, – Маунтджой считает, что у него есть основания для апелляции. Все его требования по этому поводу отклонили. Мы думаем, что он хочет заручиться вашей поддержкой. Я знаю, что это с его стороны лишь беспочвенные мечты. Все мы помним дело Бритт Стрэнд. Но Маунтджой все-таки рассчитывает добиться апелляции. И встречи с вами он требует именно поэтому.

– Он убийца.

– Это означает, что жизнь Саманты находится в опасности, – снова подала голос Джули Харгривз.

Даймонд посмотрел на нее скорее с удивлением, чем с упреком. Он не ожидал, что Джули выступит на стороне других его бывших коллег. Похоже, она поддалась их давлению. К тому же, подумал Питер, никогда нельзя забывать о том, что женщины часто принимают близко к сердцу проблемы других представительниц слабого пола, попавших в беду.

Тотт решил попытаться вернуть дискуссию в продуктивное русло:

– В последние годы мы не раз были свидетелями того, как приговоры пересматривались. Вокруг данных случаев было столько шумихи! В результате теперь едва ли не каждый преступник, сидящий в тюрьме, мечтает, чтобы его оправдали.

– У Маунтджоя нет ни единого шанса, – заявил Даймонд.

– Согласен, но проблема в ином, – сказал Уигфулл. – Он верит, что у него есть основания для подачи апелляции. Несколько лет, проведенных в Олбани, любого убедят в том, что его дело должно быть пересмотрено. Добиваясь этого, люди цепляются за любую мелочь. Как вы думаете, почему Маунтджой оказался в Бате, где было совершено убийство, за которое его посадили? Ведь он мог где-нибудь спрятаться или попытаться уехать из страны. Но он приехал сюда.

– Это лишь предположения, – заметил Даймонд. – Вы не можете знать, что он задумал.

– Я просто пытаюсь найти объяснение его действиям. А что у него на уме, мы выясним позднее.

– А я могу вам сказать прямо сейчас, – усмехнулся Даймонд. – Насилие.

– Предположим. Значит, если ваша встреча с Маунтджоем не состоится, Саманте придется плохо. – Уигфулл положил руку на плечо Тотту. – Мне очень жаль, сэр, наверное, мне не следовало этого говорить.

– Все это тянется уже слишком долго, – пробормотал Тотт, не глядя на Уигфулла. – Вы можете спасти мою дочь, мистер Даймонд? Если хотите, озвучьте свои условия. Мы не в том положении, чтобы возражать.

Даймонд взял с тарелки бутерброд и предложил его Джули Харгривз. Она покачала головой.

– В здании есть комната с кроватью? – поинтересовался он. – Мне бы хотелось прилечь и подремать пару часов. Около восьми я встану. Было бы неплохо, если бы к этому времени для меня приготовили завтрак с чашкой чая. Когда Маунтджой даст знать о себе, я сообщу вам о своем решении.

Глава 4

Когда Маунтджой вернулся из супермаркета, Саманта Тотт, укрытая клетчатым пледом, лежала на кровати. Маунтджой вдруг показалось, что она умерла. Из-под шерстяного покрывала виднелись лишь кудряшки. Определить, дышит ли она, стоя у двери, было невозможно. Неужели задохнулась? Маунтджой не заклеивал девушке рот скотчем – он воспользовался импровизированным кляпом, сделанным из куска простыни. В случае если в какой-то момент кляп перекрыл ей носоглотку, Саманта могла умереть от удушья, поскольку руки у нее были связаны. Маунтджой уже собирался откинуть плед и вытащить кляп, когда девушка вдруг зашевелилась. «Не паникуй», – приказал он себе. Пусть пленница спит. После стресса, вызванного посещением магазина, Маунтджой нуждался в передышке. Прежде чем отойти от кровати подальше, он свободной рукой снял ботинки. Предосторожность была нелишней, поскольку пол скрипел. Затем Маунтджой поставил на пол принесенную сумку. Он не ел уже давно, но решил не торопиться. Ждать, ждать, ждать... Благодаря пребыванию в тюрьме Олбани он овладел этим искусством почти в совершенстве.

Комната, в которой он находился, немногим отличалась от его камеры. По площади она даже немного уступала ей, и мебель в ней тоже была в основном складная. Напротив кровати узкая откидная скамейка крепилась к стене. Осторожно освободив скамью от крепления, Маунтджой опустил ее и осторожно сел, стараясь, чтобы доски не заскрипели под его весом. Затем он расслабился.

Сидя в тишине, Маунтджой наслаждался ощущением безопасности. Поход в магазин за покупками оказался для него тяжелым испытанием, и он только сейчас осознал, какое страшное напряжение пережил, находясь в торговом зале. Он старательно напускал на себя рассеянный вид, чтобы не отличаться от остальных покупателей. Всякий раз, когда к нему кто-нибудь приближался, притворялся, будто интересуется товаром на полках. В любом случае посещение крупного супермаркета было более безопасным, чем визит в маленький магазинчик на углу. Самым тяжелым был момент расчета у кассы. Маунтджой выбрал молодую женщину, которая показалась ему наиболее дружелюбной. Пропуская покупки через сканнер, она весело болтала с подружкой, сидевшей за соседней кассой. Расплачиваясь, Маунтджой не произнес ни слова. Был уверен, что кассирша не запомнила его лица. На обратном пути он снова прошел через заставленный прицепами кемпинг. Для этого ему пришлось сделать большой крюк и пересечь поле, ведя мотоцикл рядом с собой. Это было трудно, но необходимо.

Свобода, которую он обрел, оказалась странной. Размышляя над последними событиями, Маунтджой решил, что всего лишь сменил одну камеру на другую. Единственной разницей между ними было то, что камеру, в какой он поселился после побега из тюрьмы, ему приходилось делить с женщиной. Вероятно, другие заключенные тюрьмы Олбани, узнав об этом, спросили бы его, что в этом плохого. Наверное, многие бы язвительно поинтересовались, не гей ли он. Нет, Маунтджой не был гомосексуалистом. Однако его план не предусматривал занятия сексом с захваченной заложницей. Скорее всего, обитатели Олбани не поняли бы его, но факт оставался фактом: для Маунтджоя на кону было нечто более важное, чем возможность наслаждаться физической близостью с молодой и красивой девушкой. Он поневоле был вынужден блюсти честь Саманты Тотт. Маунтджой боролся за справедливость. Все остальное могло подождать.

В помещении было холоднее, чем в тюремной камере, и Маунтджой дал Саманте одеяло. Находясь в магазине, он хотел купить водки или виски, но решил, что в его положении тратить деньги на спиртное глупо. В распоряжении Джона было всего двадцать фунтов. Пять из них он заработал тяжелым трудом в тюрьме, еще пятнадцать извлек из кармана джинсов Саманты (в конце концов, он ведь кормил ее). В течение следующих двух дней им обоим предстояло

довольствоваться консервированной ветчиной, хлебом, быстрорастворимым супом, бананами, шоколадом и чаем. Кроме того, Джон купил молоко, сахар, а также пакет просроченных имбирных бисквитов и сунул их в буфет. Из кухонных принадлежностей в облюбованном им помещении имелись чайник, кастрюля и газовый баллон. К счастью, Маунтджой знал, где можно взять воду. Он помнил слова одного старика-заключенного, который однажды сказал ему, что для того, чтобы не сойти с ума, человеку необходимы три вещи: выпивка, постель и нужник.

Место, где Маунтджой устроил временное логово, было неплохим, но использовать его в качестве убежища можно было только несколько дней. Он запомнил, что когда-то на одной из ферм неподалеку от Бата туристам по дешевке продавали клубнику – при условии, что они помогали ее собирать. Водители парковали машины с прицепленными к ним домами на колесах прямо между грядок, платя за это фермеру небольшую мзду. За то время, пока Маунтджой сидел в тюрьме, участок могли приспособить для других целей, убрав с него грядки. Он специально приехал сюда и изучил обстановку, прежде чем решился похитить Саманту.

Похищение оказалось рискованной операцией. Маунтджой пришлось долго бродить по Столл-стрит, одной из самых оживленных улиц в Бате, разглядывая уличных музыкантов. Стоя на тротуарах, они играли на скрипках – квартетами, трио, дуэтами, иногда соло. Их было так много, что невольно создавалось впечатление, будто город просто наводнен молодыми людьми, исполняющими классические композиции. Разумеется, для демонстрации своего мастерства они выбирали те улицы, которые любили посещать туристы, и играли по очереди, меняясь раз в два часа. В первое же утро Маунтджой наслушался Вивальди на всю оставшуюся жизнь. После того как в течение первых двух дней ему не удалось обнаружить Саманту, он практически утратил надежду на успех. Однако в субботу все-таки нашел ее. Это была она, ошибиться Маунтджой не мог: выглядела Саманта так же, как на фотографии, опубликованной в «Экспресс». Бледное одухотворенное лицо озарялось улыбкой, когда кто-то из прохожих бросал монетку в раскрытый футляр скрипки. Пышные кудрявые волосы были ярко-рыжего цвета, что являлось для Маунтджой неожиданностью – фото в газете было черно-белым. Он несколько раз прослушал весь ее репертуар, придумывая предлог, под которым было бы лучше всего подойти и заговорить с девушкой, когда она соберется уходить. Когда же момент настал, Маунтджой приблизился к ней и заявил, что он владелец ресторана в Батистоне и готов платить ей двенадцать фунтов в час, если она согласится играть в его заведении. Вероятно, заметил Маунтджой, на улице она могла бы заработать больше, но в октябре уже прохладно, и играть в помещении гораздо приятнее. Кроме того, добавил он, в ресторане можно получать чаевые, исполняя музыку для гостей на заказ. Маунтджой придумал своему мифическому заведению французское название и сообщил девушке, что официантами у него работают исключительно студенты. Затем предложил ей поехать с ним и осмотреть ресторан. Поверив в придуманную им историю, Саманта дошла с Маунтджоем до Ориндж-Гроув и устроилась на заднем сиденье его мотоцикла. Вскоре после этого она оказалась в заточении.

Девушка снова зашевелилась под одеялом, приподняла голову и открыла огромные сине-зеленые глаза. Под ними от усталости и нервного напряжения залегли темные тени.

– Ну да, я вернулся, – сказал Маунтджой. – Пойду приготовлю чай.

Саманта издала стон, давая понять, что просит вынуть у нее тряпку изо рта.

– Сейчас. Подождите немного, – произнес Маунтджой и отправился на импровизированную кухню, которая на самом деле представляла собой крошечный закуток с чайником и чашками.

– Я принес свежего молока, – сообщил он. – Полагаю, оно будет повкуснее консервированного. Если хотите бутерброд, могу предложить хлеб и ветчину.

Маунтджой сознательно оттягивал момент освобождения Саманты от кляпа. Он делал это вовсе не из жестокости – просто отвык от человеческой речи. Вряд ли Саманта была более

словоохотливой, чем большинство ее сверстниц, но Маунтджой опасался, что если она начнет говорить, это помешает ему думать.

Заварив чай, он подошел к кровати и вынул кляп, стараясь оставаться на расстоянии вытянутой руки от своей пленницы и избегая ненужного телесного контакта. Он решил придерживаться именно такой линии поведения: боялся, как бы несколько лет воздержания не толкнули его на поступки, которые разрушили бы весь его план.

Саманта потерлась лицом о собственное плечо. Вокруг губ у нее проступила краснота.

– А руки вы мне не развяжете? – спросила она.

– Если хотите, чтобы я освободил вам руки, перевернитесь на живот.

– Я не понимаю, зачем вам потребовалось затыкать мне рот, – сказала Саманта, меняя положение своего тела. – Даже если бы я стала кричать, здесь бы меня никто не услышал. На территории кемпинга в октябре никого не бывает.

Она явно пыталась оценить обстановку. Маунтджой промолчал. Саманта уже пробовала выяснить, где они находятся. Она преодолела страх и гнев, которые были естественной первой реакцией на похищение, и последние несколько часов обращалась к Маунтджою почти дружеским тоном. Это стало еще одной причиной, из-за которой ему было трудно с ней разговаривать. Если бы она была настроена враждебно, это значительно облегчило бы дело.

Маунтджой налил Саманте чаю. Сев, она взяла чашку обеими руками, пытаясь согреть ладони.

– А газету вы не принесли?

– Откуда? Из супермаркета?

Саманта бросила на Маунтджою удивленно-внимательный взгляд.

– Да. Там теперь продают и газеты. Вы никогда не ходите за покупками?

Она не знала, что Маунтджой бежал из тюрьмы, или делала вид, будто не знает. Маунтджою, однако, казалось, что Саманта начинает догадываться об этом.

– Новости меня не интересуют! – бросил он.

– Странно! Вообще-то они должны вас интересовать. В газетах, наверное, уже напечатали мою фотографию. Так и вижу заголовок: «Полиция ведет упорные поиски пропавшей студентки».

– Вы напрасно тешите себя подобными иллюзиями.

– Делом лично займется мой отец. Он ведь заместитель начальника местной полиции. Или, по крайней мере, один из заместителей.

– Мне это известно.

– Думаете, что если он высокий полицейский чин, то у него денег пруд пруди? Ошибаетесь. Сотрудникам полиции платят немного. А чем вы занимаетесь, когда не заняты похищением беззащитных женщин?

– Делаю похищенным беззащитным женщинам бутерброды – при условии что они не проявляют излишнего любопытства.

– Ладно, – вздохнула Саманта и откинула одеяло. – А теперь развяжите мне ноги.

– Это еще зачем?

– Не будьте тупым.

– Что, опять?

Нехитрая процедура удовлетворения естественных потребностей смущала и девушку, и Маунтджою. Кроме того, предоставляя своей пленнице даже частичную свободу движений, он шел на немалый риск. Саманта была сильной молодой женщиной, а потому каждый ее поход в туалет мог стать попыткой побега. Маунтджой настоял на том, что дверь туалета должна оставаться открытой.

Он помог Саманте ослабить веревку, стягивавшую ее лодыжки.

– И что бы я, по-вашему, стала делать, если бы вы меня совсем развязали? – произнесла она. – Попыталась сбежать? Но ведь босиком далеко не убежишь, разве не так?

Маунтджой снова промолчал. Распахнув дверь туалета, он, придерживая ее ногой, остался стоять рядом со входом, чтобы Саманта не вздумала закрыться. По его мнению, дом-прицеп, в котором они находились, идеально подходил для реализации плана. Условия здесь были вполне сносными. У него вовсе не было желания без необходимости заставлять Саманту ощущать дискомфорт, не говоря уже о физических страданиях. Маунтджой, однако, не ожидал, что его пленница будет настолько тяжело воспринимать ограничение ее в движениях.

Выйдя из туалета, она, как и ожидал Маунтджой, спросила:

– Сколько еще все это будет продолжаться?

– Трудно сказать.

– Это зависит от моего отца?

– Я бы и сам хотел, чтобы все закончилось поскорее.

– Но вам, вероятно, нужно, чтобы все завершилось так, как вы задумали.

– Разумеется.

Саманта немного помолчала, а затем продолжила:

– Знаете, когда-то я даже мечтала о том, чтобы меня похитили. Но это должен был быть мужчина, похожий на Харрисона Форда. Да и вообще я представляла это совсем иначе. Не предполагала, что мне будет холодно, что я буду мечтать переодеться в чистую одежду и съесть что-нибудь горячее. Оказывается, заложница – это мерзко и унижительно. Вы говорили с моим отцом по телефону?

– Нет.

– А как же вы с ним тогда связываетесь? По почте? Как он узнает, что меня похитили?

– Не волнуйтесь, у меня все под контролем.

– Вы отправили ему послание с кем-то другим?

– Примерно так.

– Вы уверены, что оно до него дошло?

– Да.

– А что будет, если мои родители не согласятся выполнять ваши требования? Что, если вы запросили за меня слишком большой выкуп?

– Я не понял, вы хотите бутерброд с ветчиной или нет?

– Я уже говорила, что хочу. Просто вы меня не слушаете. Или вы хотите сказать, что для того, чтобы вы меня покормили, я должна прекратить задавать вопросы? Между прочим, я могу сама сделать себе бутерброд, если вы позволите.

В кухню Маунтджой ее не пустил. Приказал ей вернуться на кровать. Пока он связывал ей лодыжки, она достала из кармана расческу и принялась приводить в порядок волосы.

– Как долго вы носите эту прическу? – поинтересовался Маунтджой.

– Месяцев шесть. Я чувствую, что волосы стали жесткими. Их надо помыть с шампунем.

– Смотрятся они неплохо.

– Они сальные и спутанные. Знаете, как это неприятно?

– Они у вас от природы такие?

– Конечно, нет. Чтобы сделать подобную завивку, парикмахеру требуется очень много времени.

– Я имею в виду цвет.

– Да. Такой уж я родилась. Раньше ненавидела свои волосы. Из-за них меня в детстве дразнили. С рыжими всегда так.

– Если вы хотите быть похожей на других, зачем же сделали такую прическу?

– Я больше не ребенок. Давно поняла – это хорошо, когда тебя замечают.

– Например, мужчины?

Саманта покраснела и пристально посмотрела в лицо Маунтджою. Она уже почти перестала думать об угрозе сексуального насилия. Однако последний вопрос похитителя заставил ее осознать, что она, возможно, поторопилась.

– Я хотела сказать, что это хорошо, когда тебя замечают как музыканта, – пояснила она. – В последнее время классика становится все более популярной и успешно конкурирует с поп-музыкой. В этой ситуации важную роль играет не только талант, но и внешность исполнителя. И я постаралась сделать так, чтобы моя внешность привлекала внимание.

– Что ж, вам это удалось, – небрежно заметил Маунтджой, надеясь, что его тон успокоит Саманту. – Во всяком случае, бутерброд вы получите.

Положить ломоть ветчины между двух кусков хлеба было нехитрым делом. Ни масла, ни майонеза у Маунтджою не было. Саманта продолжала причесываться и приводить себя в порядок. Маунтджой невольно отметил, что она похожа на умывающуюся кошку.

– А что будет, когда у вас закончатся деньги? – поинтересовалась Саманта. – Мне кажется, вы уже потратили большую их часть.

Маунтджой промолчал.

– Боюсь, вам придется взять мою скрипку и отправиться на улицу, чтобы хоть что-нибудь заработать. Умеете играть на скрипке? Если нет, то я дам вам несколько уроков. Заодно скоротаем время.

Маунтджой протянул ей бутерброд на тарелке и спросил, не хочет ли она еще чаю.

Саманта кивнула.

– Удивительно, что вы купили рассыпной чай, – заметила она. – Пакетики гораздо практичнее. Я всегда покупаю именно их. Сейчас можно, опустив в чайник пакетики разных сортов, заваривать смеси – цейлонский с бергамотом или с китайским.

Слово «сейчас», которое употребила его пленница, сказало Маунтджою о многом. Ему окончательно стало ясно – Саманта догадалась, что имеет дело с беглым заключенным. Джон приказал себе больше не переживать по этому поводу. Теперь это не так важно. Просто поначалу ему не хотелось пугать ее.

– А что еще сегодня в меню? – поинтересовалась Саманта. – Вы принесли что-нибудь по-настоящему вкусное?

– Шоколад.

– Я его нечасто ем. Но, поскольку я голодна, попробую. Можно на него взглянуть?

Она отложила расческу и протянула руки к сумке, которая стояла на полу.

– Нельзя.

– Почему? – В ее голосе прозвучала обида. – Что плохого в том, что я на него посмотрю? Боитесь, я слишком много съем? Да я к нему даже не притронусь, если ваш шоколад вам так дорог.

Джон поднял с пола сумку и отнес ее в кухню.

– Между прочим, деньги-то были мои, – напомнила Саманта. – И у меня есть право знать, что вы купили.

Маунтджой принялся раскладывать покупки в отделения крохотного буфета.

– Еще у меня здесь две нарезанные буханки хлеба, четыре пакета куриного супа, пинта молока, восемь кусков говяжьей солонины, шесть бананов и немного чая и сахара, – сказал Джон, не желая пока обострять отношения с пленницей. – Ну что, теперь довольны?

– И еще шоколад?

– Да. И шоколад.

– Тогда я не понимаю, зачем вы пытаетесь создать ореол тайны вокруг сумки с продуктами?

– А мне скучно, – усмехнулся Маунтджой.

После этого, пользуясь тем, что находится вне поля зрения Саманты, он вынул из сумки то, что было спрятано на самом дне, и положил сверху на буфет таким образом, чтобы предмет нельзя было увидеть.

Это был пакет с краской для волос «Мокко».

Глава 5

Даймонд уловил запах жареного бекона.

– Можете убрать мою одежду со стула и оставить поднос на нем, – пробормотал он, еще не вполне проснувшись.

– Времени пять минут девятого, сэр, – объявил полицейский-стажер и вышел из комнаты.

Даймонд, потянувшись, сел на кровати. Подать ему завтрак было прекрасной идеей, однако трех часов сна Питеру не хватило. Он чувствовал себя усталым и разбитым. В голове пульсировала боль, в пересохшем рту ощущался отвратительный вкус. Даймонд потянулся к стоявшей на подносе чашке. Чай оказался приятным на вкус – почти таким же, как дома. Чтобы заварить его, воду кипятили явно не в электрическом чайнике.

Питер взял салфетку с подноса. Кулинарный ангел, готовивший завтрак, похоже, ничего не забыл: яичница из двух яиц, внушительный ломоть поджаренного хлеба, хрустящие кусочки бекона, колбаска, немного грибов и горка жареного картофеля.

Питер вдруг подумал о том, что в некоторых странах заключенные-смертники имеют право для последнего перед исполнением приговора приема пищи заказывать свои любимые блюда. Не упустил ли он чего-то важного во время вчерашней беседы?

В дверь заглянул Кайт Халлиуэлл.

– Как вы себя чувствуете, дружище? – поинтересовался он.

– Мне нужно принять аспирин. Нет, подождите, сначала скажите, есть ли новости.

– Черт возьми, чего нет, того нет. Ни о Маунтджое, ни о девушке ничего не слышно. Мы приготовили машину на случай, если вы...

– Если я захочу сбежать?

Лицо Халлиуэлла перекосилось в болезненной усмешке, словно он тоже не отказался бы принять таблетку аспирина.

– Тотт еще здесь? – спросил Даймонд.

– Да. И мистер Фарр-Джонс тоже.

– Ясно, как же без него. Демонстрация предельной активности.

– Пойду принесу вам аспирин.

– Спасибо. И вот еще что, Кайт...

– Да?

– Постарайтесь какое-то время не пускать сюда начальство. Я хочу спокойно поесть.

Когда Питер покончил с завтраком, было уже восемь сорок. К этому времени в голове у него немного прояснилось.

– Кто-нибудь может одолжить мне бритву? – спросил он, зайдя в раздевалку для личного состава.

Даймонд хотел воспользоваться обычным станком с лезвиями, но какой-то молодой сержант протянул ему электрическую бритву. Разумеется, он не знал, что у Питера натянутые отношения с современной бытовой техникой.

– Спасибо. И как это работает?

Даймонд сдвинул в сторону боковую панель на корпусе бритвы. Одна из батареек вывалилась и закатилась под шкафчик.

– Вот тебе на! – огорченно воскликнул он. – А что здесь за стрелка такая?

– Нужно сдвинуть переключатель.

– Какой переключатель?

– Там сбоку есть такая кнопка, сэр.

– Ну, сдвинул. И что? Эта штука не работает.

– Верно. Там ведь не хватает батареек.

– Вы не очень расстроились, сержант?

– Нет, сэр.

– Куда она там закатилась... А это еще что – вот тут? Что будет, если на это нажать?

– Не надо, сэр.

Было, однако, слишком поздно. Большим пальцем Даймонд надавил на рычажок, и бреющая головка, отделившись от корпуса устройства, полетела через всю раздевалку и упала на пол.

– Вот черт, – смущенно пробормотал он, возвращая сержанту то, что осталось у него в руках. – Есть у кого-нибудь что-то такое, чем действительно можно побриться?

Когда он наконец соскоблил щетину станком Кайта Халлиуэлла, надел рубашку и галстук и вышел в коридор, чтобы пройтись по зданию, где когда-то работал, было уже без десяти девять. Питеру сразу показалось: что-то не так. Он вошел в общий зал, трое-четверо его знакомых с интересом посмотрели на него и улыбнулись. Улыбнулись, подумать только! Раньше при его появлении в здании на Манверс-стрит коллеги Питера опускали головы, чтобы не встречаться с ним взглядом, и вели себя так, чтобы ничем не привлечь его внимания. Теперь, видя, что остальные глядят на него чуть ли не с восхищением, Даймонд ощутил неловкость. Лишь через несколько минут сообразил, что им известно, с какой просьбой к нему обратилось руководство отделения. Вот почему на него глазели так, словно он был героем, которого сыграл Гэри Купер в фильме «Ровно в полдень».

Питер вернулся наверх, где его ждал начальник полиции. Мистер Фарр-Джонс не выглядел как герой вестерна. Невысокий, франтоватый, с бутоном розы в петлице, он скорее походил на Джона Миллса в роли английского джентльмена, проживающего в сельской местности. Приветствуя Даймонда, стиснул ему руку в таком крепком пожатии, что кровообращение в пальцах Питера восстановилось лишь через полминуты.

– Вы сегодня герой дня, Даймонд, верно? Решили поспать немного? Что ж, разумно.

– Думаю, если у меня будет свежая голова, это пойдет на пользу всем, – заметил Даймонд. Ему не понравилось, что его называли героем дня, но он решил не возражать.

– Да, а вот мистер Тотт, кажется, совсем вымотался. Он уже несколько суток сидит на одном черном кофе, – сообщил Фарр-Джонс.

Тотт, расположившийся за столом, на котором были разложены графики криминальной статистики, откинулся назад и прислонился затылком к стене. Вид у него был измученный. Он настоял на том, что немного отдохнет только после того, как Маунтджой выдвинет свои условия.

– Полагаю, вы не знакомы с инспектором Уоррилоу из Хэмпшира, – сказал Фарр-Джонс, обращаясь к Питеру. – Нам повезло, что он здесь, с нами.

Седовласый джентльмен, стоявший рядом с начальником полиции Эйвона и Сомерсета и больше похожий на председателя гольф-клуба, чем на сотрудника правоохранительных органов, приветственно кивнул и пояснил:

– Я координирую операцию по поимке беглого заключенного.

Вот что значит позитивное мышление, подумал Даймонд. Не по розыску, а по поимке.

– Дело Маунтджоя расследовалось до моего назначения на нынешнюю должность, но я, разумеется, просмотрел документы, – сказал Фарр-Джонс, глядя на Питера. – Вашу работу высоко оценил судья.

– Судья положительно отметил действия всех, кто занимался этим делом, – заметил Даймонд. – Это была командная работа.

Фарр-Джонс перевел взгляд на Уигфулла, который, несмотря на то что за ночь его подбородок покрылся густой щетиной, сохранял бодрый вид.

– Вы также входили в эту команду?

– Нет, сэр. Я в то время находился на административной должности.

– Что ж, административная работа тоже важна.

Фарр-Джонс явно пытался сделать так, чтобы все присутствующие ощутили гордость и собственную значимость.

– Это в самом деле был полезный опыт, сэр, – сказал Уигфулл. – Но я предпочитаю находиться на переднем краю.

«И наблюдать за тем, как в атаку пойдут другие, а именно я», – подумал Даймонд.

– Документы документами, но что он все-таки за человек, этот Маунтджой? – поинтересовался Фарр-Джонс.

Даймонд понял, что вопрос адресован ему.

– Маунтджой? Прежде всего он умен. Окончил университет. В свое время даже открыл частный колледж. Умеет убедительно говорить. Внешне довольно привлекателен и пользуется успехом у женщин. Физически силен. И, как вам известно, склонен к насилию, хотя это и не бросается в глаза. В свое время, году в восьмидесятом, был обвинен в нападении на свою подружку. Нанес ей серьезные травмы, в результате чего она попала в больницу. Медики сообщили о случившемся в полицию. В итоге какой-то идиот из городского магистрата приговорил его к штрафу и условному сроку.

– Если не ошибаюсь, он избил также свою жену.

– Это он делал неоднократно. Их брак продлился всего полгода. Затем супруга Маунтджоя была вынуждена развестись с ним и добилась решения суда, запрещающего ему к ней приближаться. Когда я беседовал с Софи Маунтджой, она не смогла сообщить мне о бывшем муже ничего хорошего. Основанием для развода стало жестокое обращение с ней с его стороны. Маунтджоя могла вывести из себя любая мелочь. Когда это происходило, он избивал жену.

– Но ведь он все-таки не садист? – спросил Фарр-Джонс.

Даймонд озадаченно посмотрел на него:

– Что вы имеете в виду?

– Маунтджой не применял по отношению к ней сексуального насилия?

– И что, по-вашему, это его оправдывает? – усмехнулся Питер и вдруг сообразил, чем был вызван последний вопрос.

Фарр-Джонс хотел не обелить Маунтджоя, а избавить Тотта от его худших опасений. Даймонд бросил взгляд на начальника отделения полиции Бата, чтобы понять, как он воспринял сказанное. Ему показалось, будто Тотт ничего не слышит.

– Нет, вряд ли в его действиях есть сексуальный подтекст. Но он очень быстро впадал в ярость. Именно это явилось причиной гибели несчастной Бритт Стрэнд.

– Как Маунтджой вел себя во время допросов?

– Все отрицал.

– А он терял контроль над собой, когда беседовал с вами?

– Вздвинулся, узнав, что нам известно, что он следил за своей бывшей женой и подружкой. Но если честно, практически все то время, пока мы с ним общались, он казался вполне адекватным.

– Вы можете сказать, что между вами и Маунтджоем установился некий контакт?

Даймонд сначала нахмурился, но затем лицо его прояснилось. Он улыбнулся, но промолчал.

Фарр-Джонс кивнул.

– Что ж, ясно и так. Пожалуй, я закончил. Сколько сейчас времени?

– Пять минут десятого, – ответил Уигфулл.

– Может, кто-нибудь хочет сделать ставку?

– Я даю ему еще пять минут, – произнес Даймонд. – Не больше.

Фарр-Джонс обвел взглядом присутствующих.

– Я ставлю на половину десятого, – сказал он. – Думаю, он нас еще немного помучает.

– Если Маунтджой сказал в девять, значит, отправил послание в девять, – возразил Даймонд. – На доставку требуется время.

Зазвонил телефон.

– У вас с ним действительно контакт, – заметил начальник полиции Эйвона и Сомерсета, взглянув на Даймонда, и снял трубку. – Фарр-Джонс слушает... Хорошо. Соедините.

Последовала небольшая пауза.

– Надо признать, он изобретателен, – негромко произнес Фарр-Джонс, прикрыв ладонью трубку. – На сей раз передал сообщение через справочную службу Британской железной дороги.

Присутствующие молчали.

– Так-так... – снова заговорил Фарр-Джонс. – Когда это было? Ровно в девять? Да, будьте любезны – слово в слово. Я записываю. Спасибо. Теперь я прочитаю текст, а вы проверьте, все ли я точно зафиксировал. Итак: «От Дж. М. – Даймонду. Возьмите такси и поезжайте до памятника Гренуиллу. Там получите дальнейшие инструкции. Вы должны быть один, без оружия, телефона, рации или «жучков». Если попыгаете схватить меня, девушка умрет медленной, мучительной смертью. Лучше не пытайтесь это сделать». Все верно? А кто вам звонил – мужчина или женщина? Мужчина? Благодарю. Пожалуйста, уничтожьте послание прямо сейчас и не сообщайте о нем ни слова – ни прессе, ни кому-либо еще. Вы меня поняли? – И Фарр-Джонс положил трубку на рычаг.

– А где памятник Гренуиллу? – спросил Уоррилоу.

– Так с ходу я, пожалуй, не скажу, – признался Фарр-Джонс.

Уигфуллу представился шанс блеснуть эрудицией.

– Разве это не на Лансдаун? Ну, на том месте, где произошла битва времен Гражданской войны? Гренуилл был лидером роялистов. Там, где он погиб, поставили памятник в виде каменной колонны.

– На Лансдаун? – повторил Уоррилоу и повернулся к висевшей на стене карте.

– Да, сэр, – с готовностью подтвердил Уигфулл и указал пальцем нужную точку. – Вот здесь, на Лансдаун-роуд, за ипподромом. Это одно из самых высоких мест в городе. Я как-то прогуливался по Котсуолд-Уэй и прошел совсем рядом. Памятник обозначен. Как видите, это к востоку от Хэнгин-Хилл.

– Местность открытая?

– Неподалеку от памятника какие-то деревья или кусты, но вообще растительности там маловато. Это нечто вроде поля. С одной стороны там хорошо сохранились земляные оборонительные редуты и рвы.

– А рвы достаточно глубокие, чтобы в них можно было укрыться?

– Во всяком случае, не рядом с памятником.

– Следовало бы использовать для проведения подобной операции вертолет. Но, похоже, не получится, поскольку нам нужно соблюдать осторожность.

Лицо Тотта покраснело.

– Я не готов подвергать риску жизнь своей дочери.

– Успокойтесь, Гарри, об этом речь не идет, – произнес Фарр-Джонс. – Безопасность Саманты для нас на первом месте.

– По этой причине я предлагаю вести наблюдение предельно скрытно, – добавил Уоррилоу.

– Наблюдение за чем? – уточнил Даймонд.

– За вашей встречей с Маунтджоем.

– Пока я не согласился ни на какую встречу.

– Но я уверен, что...

– Я бы на вашем месте ни в чем не был уверен, – оборвал инспектора Питер. – Мы еще ни о чем не договорились. Вы ведь не забыли, что я гражданское лицо?

Возникла неловкая пауза. По лицу Джона Уигфулла было видно, что он хочет что-то сказать. Наконец он не выдержал:

– Есть несоответствие между двумя посланиями, полученными от Маунтджоя. Вы заметили? Вчера он потребовал, чтобы мы держали наготове машину. А сегодня требует, чтобы использовали такси.

– А автомобиль есть? – поинтересовался Даймонд.

– Конечно. Я ведь вам говорил.

– Ну да. Вы еще, кажется, говорили, что она нашпигована «жучками» – очень хорошо замаскированными.

– Верно.

– Она не понадобится, – улыбнулся Даймонд. – Со стороны Маунтджоя это был всего лишь ложный трюк, отвлекающий маневр. Он опережает нас в игре. Не забывайте, у него были годы на то, чтобы все спланировать.

Уоррилоу шумно выдохнул и скрестил руки на груди, всем своим видом показывая: он давно уже понял, что преступник пытается запутать его и всех остальных.

– Что же вы предлагаете? – обратился он к Даймонду.

Питер почувствовал, что пора выкладывать карты на стол.

– Если хотите, чтобы я с вами сотрудничал, джентльмены, вам придется принять кое-какие мои условия, – заявил он. – Точнее, условия Маунтджоя. Никаких «жучков», раций, оружия или наблюдения. Я отправлюсь на Лансдаун-роуд один и посмотрю, что там и как. Иными словами, наблюдение буду вести именно я, и никто другой. Если вернусь живым – а я на это рассчитываю, – мне будет что вам рассказать.

– К чему вы клоните? – воскликнул Уоррилоу. – Вы ведь работали в полиции. Мы профессионалы, а не какие-нибудь бойскауты. Маунтджой – беглый заключенный, отбывавший пожизненный срок, да к тому же склонный к насилию. Наша задача – схватить его и вернуть за решетку. Мы не можем идти у него на поводу.

– А если вы его схватите, что будет с дочерью мистера Тотта? Вы об этом подумали?

– Преступник расскажет нам, где она находится.

– Вы действительно так считаете? – спросил Даймонд, глядя на инспектора Уоррилоу.

– Да. В конце концов, он образованный человек. Уверен, Маунтджой поймет, что игра окончена.

Даймонд обвел взглядом остальных присутствующих, чтобы понять, согласны ли они с Уоррилоу, а затем произнес негромко и бесстрастно:

– Несколько лет назад один налетчик ограбил ряд почтовых отделений в Мидленде, убив трех служащих. Его прозвали Черной Пантерой – возможно, потому, что он действовал в капюшоне черного цвета. Вы помните эту историю?

Уоррилоу мрачно кивнул. Случай действительно был известный, и о нем часто рассказывали полицейским курсантам во время обучения. Тем не менее Даймонда никто не прервал.

– Он становился все более дерзким, – продолжил он. – Похитил в Киддерминстере девочку-подростка, дочь богатых родителей, и потребовал за нее выкуп в пятьдесят тысяч фунтов стерлингов. Этот тип все тщательно спланировал. Нашел идеальное место для содержания заложницы. Послания отправлял на полосках бумаги, печатая текст на электрической машинке. В самом начале поисков девочки полиции повезло – удалось обнаружить угнанную машину, в ней были найдены шлепанцы похищенной и магнитофонная запись. На ней девочка просила, чтобы члены ее семьи выполнили все требования преступника. Лабораторные исследования показали, что похищение – дело рук того самого грабителя, который обчистил почтовые отделения, то есть Черной Пантеры. Полицейские понимали, что имеют дело с убийцей.

На поиск преступника были брошены огромные силы. Девочка отсутствовала восемь недель. Когда ее наконец нашли в какой-то канализационной трубе, голую, связанную куском провода, было слишком поздно. Девочка была мертва. Тот, кто ее похитил, оказался настоящим садистом. Его схватили случайно через девять месяцев, когда он готовился к новому ограблению почты. А теперь вопрос: как вы думаете, почему девочка погибла? Ответ простой – на том парне уже висело несколько убийств. Одним больше, одним меньше – ему было безразлично. Как вы считаете, если бы этого типа схватили до того, как девочку нашли, он бы сообщил полиции о ее местонахождении?

– Неудачное сравнение, – заметил Уоррилоу после долгой паузы. – Мы говорим о разных проблемах.

– Наверное, вы правы, – кивнул Даймонд, а затем негромко добавил: – Сейчас я думаю о том, где преступник может держать дочь мистера Тотта.

Снова наступило молчание. Тотт сидел, опустив голову, поэтому никому не было видно выражение его лица.

– Я полагаю, в текущей ситуации мы должны временно отказаться от планов ареста преступника, – внезапно заявил Фарр-Джонс.

Уоррилоу тут же позорно дал задний ход:

– Я вовсе не утверждаю, что мы должны немедленно схватить его. Но наш долг в сложившемся положении состоит в том, чтобы отслеживать все перемещения Маунтджоя. Не сомневайтесь, мистер Даймонд, все будет сделано таким образом, чтобы у него не возникло никаких подозрений.

– Отлично, – сказал Даймонд. – Вот и отслеживайте. А я, можете не сомневаться, отправлюсь первым же междугородним поездом в Лондон.

– Пожалуйста, не надо! – взволнованно воскликнул Тотт.

– Он этого не сделает! – холодно бросил Уоррилоу. – В противном случае будет жалеть об этом всю оставшуюся жизнь.

Уоррилоу держался весьма уверенно, однако присутствующие прекрасно понимали, что рисковать жизнью придется не ему. К тому же он находился не на своей территории, да и по званию и должности не был старшим среди собравшихся. Фарр-Джонс откашлялся и произнес:

– Джентльмены, ситуация сложилась необычная, и нам необходимо установить приоритеты. Ваш долг, мистер Уоррилоу, состоит в том, чтобы вернуть Маунтджоя в тюрьму, и мы сделаем все, чтобы помочь вам в этом. Однако главная наша забота – безопасность мисс Тотт и ее спасение.

– Спасибо вам за эти слова, сэр, – тихо пробормотал Тотт.

Даймонд отметил, что про его безопасность не было сказано ни слова.

– Насколько мне известно, – продолжил Фарр-Джонс, – у мистера Даймонда, когда он служил в местном отделении полиции, был весьма высокий процент успешно проведенных операций.

– В этом с ним никто не мог сравниться, – заметил Тотт без малейшей нотки фальши в голосе.

– Мистер Даймонд не всегда точно придерживался устава и инструкций, однако действовал очень результативно. Он лично знает Маунтджоя, и именно он отправил его за решетку. В сложившихся обстоятельствах мистер Даймонд – наша главная надежда. И я намерен поддерживать его на все сто процентов.

– То есть наблюдения не будет? – уточнил Питер.

– Нет.

– И «жучков» тоже?

– Обойдемся без них.

– Я требую, чтобы мое несогласие зафиксировали официально! – торжественно объявил Уоррилоу.

– Это будет сделано, – кивнул Фарр-Джонс, не глядя на инспектора. – Вы готовы приступить к делу немедленно, мистер Даймонд?

Время принимать решение, подумал Питер. Кажется, ему удалось заставить своих бывших коллег внять доводам разума. Готов ли он, Питер Даймонд, снова открыть охоту на Маунтджоя?

– Да, готов – если кто-нибудь вызовет мне такси. Жаль, что мы не сможем использовать машину, которую вы подготовили, Джон. Кстати, что это за автомобиль?

– Тот, в который мы поставили «жучки»? – Уигфулл нахмурился. – «Воксхолл Кавальер». А что?

Даймонд улыбнулся.

– Что смешного? – удивился Фарр-Джонс.

– Да так, ничего. Просто было бы забавно отправить на Лансдаун-роуд, к памятнику Гренуиллу, машину «Кавальер». Это слово – аналог слова «всадник», то есть кавалерист. А Гренуилл ведь командовал пехотой роялистов. И к тому же роялисты проиграли Гражданскую войну.

Такси компании «Эбби рэдио» медленно продвигалось по Брод-стрит в плотном потоке машин, минуя памятные Питеру Даймонду места. Глядя по сторонам, он отмечал изменения, произошедшие в городе за время его отсутствия. Рабочие счистили сажу, въевшуюся в фасад собора Святого Михаила, открыв взглядам прохожих его красоту. Торговый центр «Росситер», в котором Стефани покупала поздравительные открытки для Питера, сохранился. Однако находившееся рядом небольшое кафе, где любили собираться студенты, привлекаемые дешевым овощным супом, исчезло. Каким-то чудом уцелел букинистический магазин, несмотря на кризис. Питер невольно подумал о том, что если даже город стал немного другим, то и работа полицейских наверняка изменилась – причем не в лучшую сторону. Он знал, что в рядах полицейских за последнее время прочно окопались бюрократы и всевозможные бездельники-консультанты. Тем более странно, что утром у него возникло чувство, будто невзрачное здание отделения полиции на Манверс-стрит – его родной дом.

Даймонд невольно порадовался, что Фарр-Джонс и его бывшие коллеги не могут проникнуть в его мысли. Ему бы не хотелось, чтобы они поняли, насколько он соскучился по настоящей работе. Интересно, что бы они сказали, узнав, что он опустился до уборки тележек с автомобильной стоянки супермаркета?

Взяв на себя контакты с Маунтджоем, Даймонд шел на серьезный риск. При встрече Маунтджой вполне мог попросту достать пистолет и застрелить его. Однако, хотя при мысли об этом пульс у Питера учащался, а по коже пробежали мурашки, он сознавал: последние два года ему не хватало подобного риска.

– Где вас высадить? – спросил таксист. Машина уже выехала за черту города. Стоявшие вокруг здания располагались на значительном расстоянии друг от друга. Справа Даймонд увидел обнесенный забором комплекс сооружений, принадлежащих министерству обороны, а слева – Бекфорд-Тауэр.

– Давайте чуть помедленнее? – попросил он. – Место, которое мне нужно, всего в четверти мили от ипподрома.

Питер отдавал должное Маунтджою – место встречи он выбрал удачно. Любая полицейская машина здесь сразу же бросилась бы внимательному наблюдателю в глаза, даже если бы была без опознавательных знаков.

Позади такси, сбросившего скорость, мгновенно образовался хвост из других автомобилей. За исключением тех дней, когда на ипподроме проводились скачки, водители привыкли проезжать этот участок шоссе без помех. Дорога была узкой, поэтому обогнать такси не пред-

ставлялось возможным. Водитель, следующий за такси на предельно малой дистанции, принялся мигать фарами, требуя либо увеличить скорость, либо уступить ему дорогу.

– Там впереди указатель, поэтому поезжайте еще медленнее.

– Если я поеду еще медленнее, приятель, вы сможете идти передо мной и размахивать красным флажком.

Машина приблизилась к указателю на Котсуолд-Уэй.

– Вон там справа есть небольшое свободное пространство. Можете там притормозить? – спросил Даймонд.

Его внимание привлекло каменное строение ярдах в двухстах от дороги. Разумеется, оно находилось на противоположной стороне дороги, и потому, чтобы свернуть вправо, таксисту пришлось минуту выжидать, пропуская встречные машины. За это время шлейф из автомобилей позади еще больше разросся. Когда таксист наконец совершил нужный маневр и остановился на обочине рядом с указателем, многие, проезжая мимо, бросали на него и на Даймонда возмущенные взгляды.

Не обращая на них внимания, Питер расплатился с водителем и принялся разглядывать склон, который ему предстояло преодолеть, чтобы попасть к памятнику Гренуиллу. Человеку его роста и комплекции следовало опасаться, как бы грунт не начал осыпаться под его ногами. Однако Даймонду все же удалось благополучно вскарабкаться наверх. Отдышавшись, он зашагал по истоптанной траве к каменной колонне памятника. Поблизости никого не было.

Памятник сэру Бевилю Гренуиллу был двадцати пяти футов в высоту и ничем не отличался от других подобных мемориалов. Впрочем, он неплохо вписывался в окружающую местность и казался гармоничной частью пейзажа. Памятник представлял собой четырехгранную колонну из серого гранита, стоявшую на квадратном постаменте. Его венчала скульптура грифона – мифологического существа с туловищем льва и орлиной головой с крыльями и когтями. Колонна была обнесена металлической оградой высотой восемь футов. Даймонд обошел вокруг нее. Надпись, сделанная в восемнадцатом веке на лицевой грани памятника, гласила, что памятник возведен в память о рыцаре, который погиб на этом месте в один из июльских дней 1643 года. Если в ее тексте и было зашифровано какое-то послание, адресованное лично ему, понять, какое именно, Питер был не в силах. Судя по всему, у доблестного сэра Бевила было мало общего с Джоном Маунтджоом: если верить памятной надписи, предводитель английских роялистов был человеком, чье благородство служило примером для других. Он не сгибался под ударами судьбы и сочетал в себе беспримерное мужество и добрый нрав.

Нет, он явно был не из тех, кто истязает и убивает женщин.

Под высеченной в граните надписью располагалась металлическая табличка вполне современного вида. Выгравированные на ней строки сообщали о героической роли сэра Бевила в битве при Лансдауне. Табличку разместили на памятнике активисты так называемой Королевской Армии – группы энтузиастов, занимавшихся изучением событий истории Англии и в первую очередь реконструкцией сражений.

Скорее всего, именно эти люди оставили у подножия памятника хризантему в глиняном горшочке и увядший венок. Комплекция Даймонда была такова, что ему было бы трудно, присев на корточки, изучать каждый квадратный сантиметр пространства вокруг памятника. Но ему повезло: когда Питер, положив ладонь на ограду, пригляделся внимательнее, он заметил уголок листка бумаги, торчавший из-под цветочного горшка. Просунув руку сквозь решетку, Даймонд осторожно вытащил чек кассового аппарата. На одной его стороне обнаружил список товаров, купленных в Сейнсбери накануне. На другой карандашом было аккуратно написано следующее: «Д., вам не помешает немного похудеть. Идите по тропинке через поле. М.»

Текст послания вызвал у Питера раздражение. В основном оно было вызвано тем, что, судя по тексту, Маунтджой был уверен: на данном этапе он, Питер Даймонд, станет выполнять

его инструкции, не обращая внимания на личные оскорбления. Положив чек в карман, Даймонд посмотрел направо, чтобы оценить, насколько сложна стоявшая перед ним задача. Вероятно, Маунтджой направлял его к вершине холма. Даже в тех редких случаях, когда Питер, вняв голосу разума, пытался прибегнуть к физическим упражнениям, чтобы хоть немного снизить вес, он не доходил до столь экстремальных, с его точки зрения, действий, как прогулки по пересеченной местности. Теоретически он поддерживал Ассоциацию пешеходов, которая выступала за то, чтобы за городом все тропинки, даже пересекающие частные владения, были доступны любому желающему пройти. Но ведь Питер Даймонд поддерживал и Ассоциацию морских спасателей, хотя это не означало, что он был готов выйти в море в шторм.

Кряхтя, Даймонд поплелся по указанному маршруту. Все могло быть гораздо хуже, убеждал он себя. В конце концов, сверху на него не лил дождь. Чистое бледно-голубое небо, легкий ветерок... При сильном ветре на высоте восьмисот футов над уровнем моря ему пришлось бы гораздо хуже. «Будем считать, что мне повезло, – думал Даймонд. – Я всего лишь должен совершить приятную прогулку на свежем воздухе и встретиться с преступником, которого я когда-то отправил в тюрьму. Нет, правда, я счастливчик».

Добравшись до гребня холма, он зашагал по редколесью, временами пробираясь сквозь негустой кустарник. Через прогалины между деревьями Питер видел машины, проносящиеся по Лансдаун-роуд. Здравый смысл подсказывал Питеру, что Маунтджой решится на контакт с ним только после того, когда он окажется на открытой местности, где легко будет убедиться в том, что его никто не сопровождает. Это означало, что до встречи оставалось минут двадцать.

Сбиться с пути было невозможно. Стрелки указателей вели Даймонда в сторону Котсуолд-Уэй по выбранному Маунтджоем маршруту. Редколесье закончилось, и Питер двинулся дальше вдоль каменной стенки, покрытой пятнами желтого лишайника. Ему по-прежнему приходилось идти в гору, но склон стал более пологим, да и продвигаться вперед по пружинящей под ногами траве было приятнее, чем перешагивать через узловатые корни деревьев. Линия горизонта, где зелень травы смыкалась с голубым куполом неба, теперь находилась совсем рядом. Еще три минуты – и перед Питером открылся захватывающий вид на долину Лэм. Подъем закончился, однако нигде не было видно ни души.

Оставалась надежда, что Даймонда окликнут откуда-нибудь сзади, например из-за каменной стенки, мимо которой он только что прошел. Она была достаточно высокой, чтобы скрыть человека, стоящего в полный рост. В каменной кладке, не закрепленной раствором, имелось множество отверстий. Сквозь них беглый заключенный мог вести наблюдение или – при необходимости – общаться с собеседником, оставаясь в укрытии, словно грешник во время исповеди в церкви. Правда, Маунтджой, судя по всему, и не думал каяться в своих грехах. Когда из-за стены в небо взмыла, хлопая крыльями, утка, Даймонд остановился, а затем, чуть пригнувшись, приблизился к каменному препятствию и приложил к нему ухо, готовый выступить в роли священника. Вокруг царила тишина. Опасливо озираясь, Питер снова зашагал вперед. Дойдя до очередного пролома в стене, такого же, как те, что уже несколько раз попадались на его пути раньше, он перешагнул на территорию по другую сторону забора. Внимательно осмотревшись, убедился, что местность вокруг по-прежнему оставалась пустынной.

Далее Даймонду следовало спуститься по крутому косоугору. Он подумал о том, что, наверное, именно этот путь избрали для бегства наименее храбрые из солдат, участвовавших в сражении триста пятьдесят лет назад. Во время обучения в школе уроки истории никогда не вызвали у Даймонда благоговейного трепета. Теперь же его мысли и подавно были заняты более актуальными проблемами, чем события, происходившие несколько столетий назад. Спуск оказался для Питера еще тяжелее, чем подъем. Вскоре у него возникло сильнейшее желание плюнуть на все и повернуть назад. В конце концов, какими бы красивыми ни были открывавшиеся ему виды, силы Даймонда имели свой предел.

Внизу, в долине, виднелись домики фермеров. Это означало, что между ними наверняка была проложена хоть какая-нибудь дорога, и она рано или поздно должна была вывести Даймонда к тому месту, с которого началось его мучительное пешее путешествие. Ему не хотелось снова карабкаться вверх по склону, а потом спускаться обратно к памятнику.

Преодолев примерно половину спуска в долину, Питер внезапно вспомнил о своем обещании связаться по телефону со Стефани. Не дождавшись звонка, она наверняка огорченно вздохнет, и в длинном списке проступков, совершенных Питером за время их совместной жизни, появится еще один пункт. В большинстве случаев ему было нечего возразить на ее упреки, но не на сей раз. Ведь он все-таки вспомнил о том, что должен был сделать. Вот только почему это произошло в таком неподходящем месте и в неудачный момент?

Склон, по которому он спускался, стал более пологим. Вскоре Питер оказался на берегу текущего в долине широкого ручья. К счастью, его вполне можно было преодолеть вброд – Питер своими глазами видел, как незадолго до него это сделал грузовик. Еще одной хорошей новостью было то, что Даймонду удалось найти место, где русло можно пересечь, даже не замочив ног, – что он и сделал. Следующим препятствием, возникшим на его пути, стал решетчатый забор скотоводческой фермы. Умудрившись перелезть через него и спрыгнуть вниз, не подвернув лодыжку, Питер решил ненадолго остановиться и обдумать сложившуюся ситуацию. Он прошел уже более полутора миль, пора было принимать какое-то решение. Стрелка, нарисованная на столбе у ручья, предлагала ему продолжить путь, то есть подняться вверх по склону на другом берегу и следовать вдоль Котсуолд-Уэй. Однако это могло означать, что придется пройти еще много миль в глубь Глостершира. Между тем терпение Питера Даймонда было на исходе.

Прислонившись спиной к сколоченным из деревянных жердей воротам загона для скота, он внимательно огляделся. Тропинка, тянувшаяся через долину, выглядела не слишком гостеприимно, но все же была бы наиболее удобным маршрутом, если бы он решил продолжить свой поход. Видимо, когда-то ее собирались заасфальтировать, чтобы по тропе можно было проехать на машине. Во всяком случае, вдоль нее трава была скошена, а кое-где тропу присыпали гравием. Даймонд увидел знак, свидетельствующий о том, что в ручье можно рыбачить. Однако вокруг не было ни одной машины и ни одного рыбака.

Почувствовав жажду, Питер подумал о том, достаточно ли чиста вода в ручье, чтобы можно было напиться прямо из него. Внезапно его слух уловил шум двигателя, который доносился откуда-то слева, со стороны фермы. Он был слишком высоким, а значит, его источником являлся мотор не трактора и не грузовика. У Даймонда мелькнула мысль, что он слышит шум двигателя и винтов вертолета с инспектором Уоррилоу на борту. Затем он увидел мчавшийся по тропе мотоцикл. В нем сидел человек в черном кожаном комбинезоне и красном шлеме с черным плексигласовым забралом.

Мозг Даймонда лихорадочно заработал. Мотоцикл, приблизившись, остановился в нескольких ярдах от Питера. Не поднимая забрала, мотоциклист обернулся назад, взял с заднего сиденья еще один шлем и бросил его Даймонду.

Тот даже не попытался его поймать, и шлем упал на землю около его ног. Говорить что-либо было бессмысленно – рев мотоциклетного двигателя глушил все звуки вокруг.

Мотоциклист энергичным жестом поманил Даймонда к себе. Похоже, он всерьез рассчитывал, что мужчина весом в двести десять фунтов наденет шлем и прыгнет на заднее сиденье. Но Даймонд скрестил руки на груди и демонстративно уставился куда-то в сторону.

Глава 6

Дело было вовсе не в том, что Даймонд пытался перехитрить противника. Никакой стратегии у него не было – он просто не хотел ехать на заднем сиденье мотоцикла. Его решимость возымела эффект – мотоциклисту пришлось заглушить мотор. Сделав это, он поднял затемненное пластиковое забрало шлема. Несколько лет, проведенных в тюрьме Олбани, давали о себе знать – лицо Маунтджоя казалось изможденным. Однако Даймонд сразу узнал знакомые черты. Джон Маунтджой был больше похож на славянина, чем на англосакса. Темно-карие, глубоко посаженные глаза, высокие и широкие скулы, твердая линия рта и массивная нижняя челюсть – весь облик Маунтджоя свидетельствовал о том, что он человек волевой и решительный.

Глядя на него, Даймонд равнодушно кивнул, словно перед ним находился незнакомец. Между тем он лихорадочно обдумывал десяток вопросов – их он собирался задать Маунтджою, дождавшись удобного случая. Но сейчас парадом командовал Маунтджой, так что Питеру ничего не оставалось, кроме как отдать инициативу преступнику.

– Здесь мы говорить не будем, – заявил Маунтджой.

Даймонд промолчал, рассчитывая, что его собеседник расценит это как знак согласия.

– Наденьте шлем и садитесь на чертов мотоцикл, – жестко произнес Маунтджой.

Питер покачал головой.

– Что вы сказали? – спросил Маунтджой.

– Ничего. Ровным счетом ничего. Думаю, будет лучше, если не я надену шлем, а вы снимете свой.

– Что?

– Я говорю... А впрочем, забудьте об этом.

– Я не повезу вас далеко, – настаивал на своем Маунтджой.

– Вы вообще никуда меня не повезете, – пробормотал Даймонд себе под нос.

– Пытаетесь выиграть время? Надеетесь, что сюда вот-вот подоспеет целая свора ваших вооруженных коллег с оружием и в бронежилетах?

Питер пожал плечами и с безнадёжным видом развел руками.

– Говорю вам, если попытаетесь загрести меня, девчонке конец.

Грубость тона Маунтджоя контрастировала с хорошо поставленным голосом: сразу чувствовалось, что его обладатель – человек интеллигентный. Разумеется, пребывание в тюрьме не могло не изменить Маунтджоя. Но ведь он всего четыре года назад являлся директором колледжа, и это чувствовалось. Да, он уже тогда был склонен к насилию и его жертвами были исключительно женщины. Маунтджой никогда не участвовал в уличных потасовках.

Даймонд с преувеличенным равнодушием зевнул и, отвернувшись от Маунтджоя, принялся разглядывать клочья овечьей шерсти на колючей проволоке ворот. Похоже, ему удалось выиграть несколько очков, потому что Маунтджой, внимательно оглядев окрестности, опустил подножку мотоцикла. Затем он снял с головы шлем и положил его на топливный бак. За время пребывания в тюрьме в его темных волосах появились серебряные нити седины.

– Ладно, поговорим здесь.

– Не возражаю, – кивнул Даймонд, словно идея принадлежала не ему, а Маунтджою.

– Вы хорошо поняли, что я сказал? Попытайтесь меня сцапать – девице вашей конец.

– Арестовывать вас – не моя работа.

– Что вы имеете в виду?

Даймонд уже собирался сказать, что он больше не полицейский, но в последний момент сдержался. Перечеркнув своим заявлением все надежды Маунтджоя, Питер вряд ли мог рассчитывать на какие-то уступки с его стороны.

– Я имею в виду, что вы – не моя проблема. Олбани находится в Хэмпшире. Вас разыскивают люди именно из того отделения.

– Небольшая поправка, начальник, – возразил Маунтджой. – Все-таки я все еще ваша проблема. Именно по вашей милости в 1990 году я оказался за решеткой за убийство, которого не совершал.

– Да бросьте! Сколько раз я уже это слышал! – с оттенком презрения произнес Даймонд, словно бы не ожидавший такого поворота. – Придумайте что-нибудь получше, Джон.

На скулах Маунтджоя угрожающе вспухли желваки.

– Говорю вам, Даймонд, я не убивал Бритт Стрэнд. Да, я не святой, но я вообще никого не убивал... пока.

– Это угроза, не так ли?

– Мне отказали в праве на апелляцию. Как еще я могу добиться справедливости?

– Если вы причините вред Саманте Тотт, вам конец. Понимаете?

Маунтджой проигнорировал заданный ему вопрос и вместо того, чтобы ответить на него, сказал:

– Подумайте вот о чем. Я бежал из тюрьмы Олбани. У меня была возможность отправиться куда угодно, залечь на дно и оставаться вне поля зрения полиции. Но я вернулся в Бат. Почему? Зачем подвергать себя риску, если я на самом деле виновен?

Именно об этом Даймонд размышлял уже давно.

– Я не знаю, зачем вы это сделали, но дам вам бесплатный совет, – произнес он. – Если вы действительно хотите добиться оправдания, отравляйтесь на один из телеканалов, которые любят выставлять полицейских недоумками или коррумпированными мерзавцами. Там вам помогут.

– Я вовсе не считаю вас коррумпированным мерзавцем. Иначе я бы с вами не разговаривал. Вы совершили ошибку, страшную ошибку, и за нее нет вам моего прощения. Но я считаю, что вы заблуждались искренне. Вы – моя единственная надежда. Мне нужно, чтобы вы признались, что при расследовании моего дела схлтурили.

– И вы хотите добиться этого с помощью угроз?

– Разве я вам угрожаю?

– Под угрозой находится Саманта Тотт.

– Она останется жива и здорова, если сделаете то, о чем я говорю.

– Как бы вы ни пытались это представить, Джон, речь идет об угрозах с вашей стороны.

В глазах Маунтджоя, который не обратил никакого внимания на предложение Даймонда обратиться на телевидение, мелькнула ярость.

– А у вас есть другие идеи? Я не знаю, кто убил Бритт Стрэнд. Это должны были выяснить вы.

– Кроме вас, других подозреваемых не было.

– Все улики указывали на меня. Да и мотив имелся.

– Вам придется напомнить мне кое-какие детали, – промолвил Питер, надеясь разговорить Маунтджоя и заставить его хоть немного расслабиться. – С тех пор через мои руки прошло много дел. Та девушка, Бритт Стрэнд, – она ведь, кажется, была журналисткой, не так ли? Причем работала как фрилансер.

– Можно и так сказать, да только это, по-моему, называется по-другому. Чтобы накропать свою статейку, она записалась в мою языковую школу и прикидывалась образцовой ученицей. Грязный трюк. Правда, про это во время расследования никто даже слова не сказал.

Питер пожал плечами:

– Ваши жульнические проделки выглядели более нечистоплотными, чем то, чем занималась она.

– Жульнические проделки?

– Да ладно вам, Джон. Вы все лето записывали на курсы изучения английского языка молодых иракцев, зная, что Саддам начнет войну.

– С моей стороны все было честно, – возразил Маунтджой. – Некоторые уклонялись от призыва в армию. Кстати, среди них попадались очень способные молодые люди, которые учили язык.

– Но были и шпионы. Полагаю, вы прекрасно знали, что девяносто процентов этих людей записывались на ваши курсы только для того, чтобы получить справку, что они учатся на дневном отделении. Для вас они являлись всего лишь источником денег.

– И все же вы напрасно называете это жульнической проделкой. Я могу назвать множество других колледжей, где занимались тем же самым. На платные курсы записывали всех желающих, зная, что никогда больше не увидят большую часть из тех, кто приходил и вносил деньги. И речь не только о молодых людях с Ближнего Востока. По таким липовым бумажкам могут получать и продлевать визы люди из нескольких десятков государств. Я не пытаюсь никого защищать или оправдывать. Просто не могу понять, почему в качестве мишени выбрали меня.

– Вы находились в Бате, где жила и эта девушка, – заметил Даймонд. – И еще все идеально совпало по времени. Саддам вторгся в Кувейт в августе. Эта Бритт Стрэнд, судя по всему, была неплохой журналисткой. Она поняла, что скоро в Персидском заливе начнется война. Статья о вашем колледже могла вызвать скандал, а значит, ее с удовольствием опубликовали бы наши таблоиды. История действительно неприглядная: частный колледж предоставляет прикрытие потенциальным иностранным шпионам.

– Подобная статья меня бы просто прикончила, – мрачно изрек Маунтджой. – Собственно, так оно в итоге и получилось. В ходе судебного процесса речь шла не только и не столько об убийстве Бритт Стрэнд, сколько об учебных заведениях, укрывающих агентов иностранных разведок.

– Что ж, продолжайте. Расскажите мне о том, что суд над вами не был беспристрастным. Факт, однако, остается фактом: вы находились с Бритт Стрэнд в ночь ее гибели. Она водила вас за нос, выдавая себя за шведку, проживающую в английской семье с целью изучения языка. На самом деле Бритт Стрэнд приехала в Англию много лет назад, а язык знала практически в совершенстве, что давало ей возможность зарабатывать на жизнь журналистикой. Она обвела вас вокруг пальца, как ребенка. Собирая информацию, сумела добраться до ваших файлов, читала вашу электронную переписку, раздобыла фотокопии заявлений о зачислении на курсы, журналов посещений и бог знает чего еще. Подготовила все необходимое для того, чтобы полностью разрушить вашу репутацию. В общем, у вас был серьезный мотив для убийства.

– Но я ее не убивал!

– Мы с вами оба знаем, что вы не раз применяли физическое насилие по отношению к женщинам, – напомнил Даймонд. – К своей бывшей подружке, к жене. И если суд истолковал это как улику против вас...

– Вы же прекрасно понимаете – это было истолковано как улика, потому что вы, зная об этих обстоятельствах, работающих на вашу версию, сообщили о них присяжным.

– Да. У меня имелось еще одно преимущество перед жюри присяжных. Я лично осматривал труп и видел травмы, которые вы нанесли жертве – то есть, простите, какие нанесли жертве преступник. В данном случае речь не шла о хладнокровном убийстве. Оно было совершено в приступе ярости. Тело находилось в ужасном состоянии, Джон.

Маунтджой поднял голову и посмотрел на небо. Над Батом пролетал небольшой самолет, но он находился слишком далеко, чтобы с него могло вестись наблюдение. Он посмотрел Даймонду в лицо.

– Значит, вы отказываетесь проанализировать материалы дела еще раз?

– Почему вы обратились ко мне? – поинтересовался Питер. – Мне кажется, я последний человек, которого вам следовало бы просить об этом.

– Вы не правы, – твердо возразил Маунтджой. – Вы занимались расследованием моего дела. Через ваши руки прошли все документы, в том числе протоколы допросов. У вас должен был остаться список подозреваемых.

– Какой список? Подозреваемый был только один – вы.

– Вы просто заикнулись на мне и не искали никого другого.

Даймонд вздохнул:

– Помните, сколько времени потребовалось присяжным, чтобы вынести вердикт? Десять минут? Пятнадцать?

– Если кто-то и может найти настоящего убийцу, то только вы.

– Вы просите меня не только пересмотреть мои выводы и доказать вашу невиновность, но и повесить преступление на кого-то еще?

– Найти настоящего убийцу – единственный способ добиться отмены моего приговора.

– Вы самый большой оптимист, которого я когда-либо встречал, – сказал Даймонд, будучи не в силах сдержать улыбку. – Вы хоть понимаете, что это значит для меня – взяться доказывать, что все мои выводы, сделанные в 1990 году, ошибочны?

– Но вы же честный человек. Иначе я бы к вам не обратился, – произнес Маунтджой.

– Вы можете предоставить в мое распоряжение какую-то новую улику или улики, способные изменить мое мнение, касающееся дела четырехлетней давности?

– Нет. Но вы должны что-нибудь накопать. Как я мог раздобыть какие-то новые улики, сидя в камере тюрьмы Олбани? Но кто-то же убил ту женщину. И преступник до сих пор на свободе. Наверное, он очень собой доволен и посмеивается над вами. Вас это не задевает?

Даймонд ничего не ответил. Выждав немного, Маунтджой продолжил:

– Наверное, этот тип ненавидел ее – если только он не просто сумасшедший. Похоже, у нее были любовники, которых она бросила. Или конкуренты по работе. Может, она отбила у кого-нибудь кусок хлеба.

– В свое время мы отработали данные версии, – заявил Даймонд.

– Да, но, поскольку подозреваемым был я, вы сделали это без излишнего рвения. Будь я проклят, так оно и было.

Оба замолчали. В тишине стало отчетливо слышно журчание ручья, прокладывавшего себе путь по каменистому руслу. Маунтджой, по мнению Питера, не представил никаких серьезных аргументов в поддержку своей позиции. Единственное, что свидетельствовало в его пользу, было то, что он действительно преодолел множество трудностей, чтобы добиться встречи с Даймондом, человеком, который отправил его в тюрьму. Любой другой беглый заключенный на его месте постарался бы залечь на дно и никак себя не обнаруживать.

Однако в руках Маунтджоя находилась заложница – молодая девушка. Это означало, что Даймонд должен пойти на уступки.

– А если я еще раз изучу материалы дела, как вы просите, и в итоге все равно приду к выводу, что убийца – вы?

– Это будет означать, что вы как профессионал ни на что не годитесь, – усмехнулся Маунтджой.

– Как долго вы рассчитываете оставаться на свободе? Ведь розыск мы в любом случае не прекратим.

– Ничего, с этой проблемой я как-нибудь справлюсь.

– С девушкой-заложницей? Кстати, то, что вы удерживаете ее, – преступление.

– Перестаньте говорить ерунду. Мне нужно, чтобы вы действовали, Даймонд. Будет лучше, если, когда мы встретимся в следующий раз, вы сообщите мне, что добились хоть каких-то успехов. А то я, знаете ли, на взводе.

– Каким образом я смогу войти с вами в контакт?

– Я сам вас разыщу. – Маунтджой подвел мотоцикл вплотную к Даймонду. – Я прожил в Бате больше времени, чем вы. Мне известны здесь все ходы и выходы. Так что девчонку никто не найдет. Во всяком случае, до того, как вы сделаете то, о чем я прошу. Ну, а теперь махните мне рукой на прощание.

Маунтджой надел шлем и пнул стартер. Мотоцикл взревел и помчался в сторону Бата.

Глава 7

Никто из полицейского начальства не произнес в адрес Даймонда ни слова благодарности.

– Вам удалось что-нибудь выяснить о моей дочери? Мне кажется, именно это было вашей основной задачей, – грубовато произнес Тотт.

Судя по всему, он больше не считал нужным быть вежливым и предупредительным – ведь согласие Питера на сотрудничество уже было получено. Урвав несколько часов сна, начальник полиции Бата стал прежним Тоттом – желчным и придирчивым.

– Вообще-то я думал, что моей задачей было выяснить, каковы требования Маунтджоя.

– А меня они нисколько не интересуют, – мгновенно отозвался Фарр-Джонс. – Этого типа осудили совершенно справедливо. Не можем же мы пересматривать дело только потому, что ему не нравится находиться в тюрьме.

– Мы упустили великолепную возможность схватить его, – добавил инспектор Уоррилоу. – Даймонд не сообщил нам ничего важного – за исключением того, что у Маунтджоя теперь есть мотоцикл.

– И соответствующая экипировка, – добавил Джон Уигфулл, находившийся в другом конце комнаты. – Интересно, где он ее раздобыл?

– Если Маунтджой сумел бежать из тюрьмы Олбани, то разжиться мотоциклом и кожаной курткой и штанами ему ничего не стоит! – злобно бросил Фарр-Джонс.

Было очевидно, что бывшие коллеги Питера пребывают в меланхолии, близкой к отчаянию. Впрочем, его это устраивало. Во время своего весьма непростого пешего путешествия от ручья до Лансдаун-роуд, где ему удалось остановить попутную машину, Питер принял решение по поводу своей дальнейшей стратегии. Он прекрасно понимал, что в течение какого-то времени Фарр-Джонс и его подручные, будучи полностью деморализованными, станут посыпать свои головы пеплом. Именно этим Даймонд и решил воспользоваться. В любой другой ситуации они не согласились бы на его условия. Именно по этой причине теперь он терпеливо выжидал, не выдвигая никаких требований или предложений.

Уоррилоу изложил свой план поимки беглеца. Он был самым заурядным и предполагал тщательные проверки на дорогах, тиражирование фотографии Маунтджоя, прочесывание местности с особым акцентом на заброшенные строения и отдельно стоящие загородные фермы. Разумеется, он не преминул заявить, что для реализации его замысла потребуется больше людей, чем могло предложить местное отделение полиции, и подчеркнул, что в интересах розыска необходимо задействовать прессу.

Далее последовал долгий и утомительный спор по поводу отмены запрета на освещение истории с похищением девушки в СМИ. Следовало ли проинформировать общественность лишь о том, что в районе Бата видели беглого заключенного по фамилии Маунтджой и по этой причине операция по розыску проходит именно в городе и окрестностях? Уоррилоу настаивал на немедленном снятии запрета на информацию, что в руках преступника находится заложница. По мнению инспектора, именно широкое освещение происходящего в прессе было единственной надеждой Саманты на спасение. Фарр-Джонс и Тотт считали, что отмена запрета сорвет сложный процесс переговоров с преступником об освобождении пленницы и поставит под угрозу жизнь и здоровье Саманты. Они особо упирали на то, что Маунтджой склонен к проявлениям физического насилия по отношению к женщинам.

– И как же вы собираетесь сдвинуть это дело с места? – воскликнул Уоррилоу после долгого обсуждения. – Вы твердите о переговорах. Но единственное, что мы имеем, – параноидальные требования этого типа о повторном расследовании и пересмотре его дела. Вы ведь

не собираетесь идти у него на поводу и всерьез заниматься данным вопросом? Какой в этом смысл, если речь идет о самом обычном деле без каких-либо загадок?

– По-вашему, мы идиоты? – язвительно осведомился Фарр-Джонс. – Но если мы хотим о чем-то договориться с этим мерзавцем, то нам придется подыгрывать ему, чтобы он поверил, что мы предпринимаем какие-то действия.

– Зачем это нужно?

– Чтобы вовлечь его в процесс переговоров, получить возможность еще раз с ним встретиться. Заставить его сотрудничать с нами.

– И что дальше?

– А дальше – проследить за ним и выяснить, где именно он скрывается.

– Это можно было сделать и сегодня утром.

– При помощи вертолета? – Фарр-Джонс больше не мог скрывать раздражения. – Нет, мистер Уоррилоу, тут нужно действовать осторожно. Необходимо использовать мистера Даймонда, которому Маунтджой, судя по всему, доверяет.

Инспектор Уоррилоу отвернулся и принялся молча смотреть в окно, всем своим видом ясно давая понять, что больше не надеется услышать какие-либо рациональные предложения от других участников совещания. Взгляды остальных обратились на Даймонда, который в этот момент также выглядел разочарованным.

Фарр-Джонс потрогал свои тщательно причесанные волосы, словно хотел убедиться, что они не растрепались. Раньше ему не приходилось общаться с Даймондом, но его наверняка предупредили, что характер у Питера колючий.

– Разумеется, обращаясь к вам за помощью, мы понимаем, что можем создать определенные затруднения, – наконец с трудом выдавил начальник полиции Эйвона и Сомерсета. – И все же мы решили рискнуть, надеясь, что вы войдете в наше положение.

Даймонд с бесстрастным, словно у Будды, лицом молчал, выжидая.

– Мы не можем настаивать на том, чтобы вы откликнулись на нашу просьбу. Но если вы этого не сделаете, мы попадем в затруднительное положение, поскольку Маунтджой, похоже, считает, что вы все еще являетесь сотрудником полиции, и к тому же испытывает к вам доверие. – Фарр-Джонс сделал небольшую паузу, чтобы перевести дух, после чего, нервно потирая руки, с вымученной улыбкой поинтересовался: – Итак, что скажете?

– Мне нужно сделать телефонный звонок.

Даже самая обычная просьба может быть облечена в такую форму, что прозвучит словно угроза – особенно в устах такого человека, как Даймонд, слышущего мрачным и несговорчивым. После его слов Фарр-Джонс напряженно застыл, сверля собеседника подозрительным взглядом.

– Своей жене, – пояснил Даймонд.

– Но вы не ответили на мой вопрос.

– Я это сделаю – после того, как переговорю с супругой.

Питер встал из-за стола и, вежливо кивнув, вышел из комнаты. Он знал, что Стефани должна находиться дома. Обычно в это время она возвращалась из утреннего похода по магазинам. После обеда имела привычку наведываться в местное отделение благотворительной организации «Оксфам», поэтому звонить ей лучше всего было именно сейчас.

Питер решил спуститься вниз и сделать звонок с аппарата, висевшего на стене в холле.

– Похоже, мне придется задержаться здесь на несколько дней, – сообщил он, когда Стефани сняла трубку. – Справишься без меня?

– Важнее, справишься ли ты, – ответила супруга, которая никогда не изводила Питера бессмысленными упреками. – Ты не взял с собой даже самого необходимого.

– Зубную щетку я куплю здесь.

– Тогда уж купи и лосьон для бритья, да подушистее – если только не собираешься сам стирать себе рубашку. И во что же ты, интересно, впутался?

– Всплыла одна старая история. Похоже, здешним сотрудникам не обойтись без моей помощи.

– Какое-нибудь незаконченное дело?

– Я думал, что оно закончено. Но кое у кого на сей счет другое мнение.

– Если помнишь, ты говорил, что никогда больше не станешь с ними связываться.

– Речь идет не о сотрудниках полиции. Извини, я не могу вдаваться в детали, моя дорогая.

– Что ж, не вдавайся. Речь ведь идет о Маунтджое? Директоре колледжа, который зарезал женщину-журналистку? Знаешь, я тут ждала одного телефонного звонка, да так и не дождалась. Зато успела просмотреть газеты. Питер, не забывай, ты больше не полицейский. Ловить Маунтджоя – не твоя забота, а твоих бывших коллег.

– Помню.

Стефани немного помолчала, а затем поинтересовалась:

– Разве ты не собираешься посоветовать мне запереть все двери и окна и спать с полицейским свистком под подушкой?

– К тебе он точно не заявится.

– Значит, я могу пригласить кого-нибудь в гости – так, чтобы соседи не видели?

Стефани знала, как прокусить толстую шкуру Питера.

– Что?

– Чем еще может заняться женщина, если ее муженек отправился бог знает куда? Ты ведь сорвался словно на пожар. Что же мне – скучать в одиночестве?

– Я скоро вернусь.

Стефани рассмеялась.

– Где ты остановился? – спросила она.

Питер невольно порадовался ее вопросу – он до сих еще ни разу не подумал о том, где собирается ночевать.

– В отеле «Фрэнсис», – ответил он.

– Что ж, мне, как образцовой супруге, остается сказать только одно: будь осторожен.

Даймонд вернулся в комнату, где проходило совещание, и присутствующие, горячо что-то обсуждавшие, замолчали.

– Я бы хотел изложить свои условия, – произнес он, усевшись за стол напротив Фарр-Джонса и поставив локти на стол. Никогда прежде ему не приходилось говорить в подобном тоне с начальством, и Питер наслаждался каждой секундной разговора. – Я готов оставаться здесь до того момента, когда мисс Тотт будет освобождена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.